

ВЛАДИМИР КОЛОСКОВ

ПЕРЕВАЛ

Владимир Колосков

Перевал

«Издательские решения»

Колосков В.

Перевал / В. Колосков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512054-0

Отряд наемников оказывается в западне, когда на их нанимателя начинается настоящая охота. Запертым в лесу людям придется столкнуться с могущественным колдовством и потусторонними силами, ожившими легендами и древними мифами. Только пройдя путь до конца и разгадав загадку проклятого артефакта, который таинственный путешественник везет с собой, они обретут надежду вновь вернуться домой.

ISBN 978-5-00-512054-0

© Колосков В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Перевал	6
Глава 2. Охотник	28
Глава 3. Дар или проклятие	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Перевал

Владимир Колосков

*Где День и Ночь за тканьем гобелена
Плетут что-час таинственный сюжет,
Мы поведем рассказ, и, может, постепенно
Покажется нам то, чего на самом деле нет.
А коли нет его – тревожиться не след,
За это нам порукою – наука.
А коли что-то есть – сыскаться должен след,
Да пока сыщется – состариться со скуки.*

© Владимир Колосков, 2020

ISBN 978-5-0051-2054-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Перевал

Крепкий осенний ветер гонял низкие облака меж горных хребтов и кряжей. Мокрый снег и дождь сменялись солнцем по десять раз на дню. Здесь, суровый, как ледник, и непостоянный, как ноябрьская погода, лежал перевал Хундретвассер.

Когда-то здесь не было ничего. Потом появилась тропа, за ней – дорога. И вот уже на куске неподвластной лесу скалистой земли расположились постоянные дворы, кузницы, шорные, оружейные и столярные мастерские, небольшая церковь и несколько десятков домов. Постоянных жителей на перевале не набралось бы и двух сотен, но Хундретвассер был похож на поселок. В церкви исправно вели метрику, и все постоянно проживающие были вписаны в налоговую ведомость, как то пристало по судебнику. Впрочем, на судебник и ведомость здесь никто не обращал внимания, потому что сборщик податей никогда не забирался так высоко, а если бы забрался – скоро пожалел бы об этом.

Хундретвассер жил дорогой. На юге она вела к Балканам, откуда открывался путь к Палестине и таинственному Востоку. По северу уходил путь в Европу. Из всех существующих путей дорога через перевал была самой опасной и сложной, поэтому путешествовали по ней только те, кто имел острую необходимость избегать прочих дорог.

Много услуг мог предложить перевал путешественнику, которого грехи, долги, измены, жадность или другие сильные стороны характера вынуждали забираться в горы. Главным же его товаром были люди. Этот перевал знали как рынок наемников, которых немало ошивалось здесь на любой вкус и кошелек. Каких только мошенников, плутов и лиходеев тут ни водилось!

Самыми дешевыми были крестьяне: беглые крепостные и свободные, бежавшие от своих феодалов в поисках лучшей доли. Они едва умели держать оружие, но зато обходились почти даром. Многие довольствовались тем, что их кормили, и еще радовались при этом, что не приходится голодать, как на своих наделах. Следующими по рангу были ратники. Их цена зависела от числа военных кампаний, в которых им довелось участвовать, и от количества доспехов. Тот, у кого был щит, стоил вдвое больше такого же без щита. Только знатоки могли точно рассчитать цену. Впрочем, очень опытных вояк тоже не слишком жаловали из-за привычки к грабежам.

За вояками шли бывшие оруженосцы и пажы. Даже в одной рубахе они стоили дорого. Обращению с оружием эти люди обучались с детства, в то время как простых ратников забирали в отряды от сохи и гончарного круга. Оруженосцы, кроме того, знали воинское дело. Их обычно ставили офицерами над небольшими отрядами из солдат и крестьян.

На самом вершине неписаного табеля стояли рыцари, потерявшие удачу, честь и прочее и вынужденные промышлять на большой дороге. Таковых было немного, потому что рыцари зачастую теряют удачу одновременно с жизнью. На них тоже имелись свои расценки: разорившиеся ценились выше впавших в немилость, а тех в свою очередь ценили дороже покрытых позором. Отличительной чертой рыцаря был боевой конь. С конем и хорошими доспехами на перевале можно было за умеренную цену произвестись в рыцари.

Особняком стояли «кромешники» – опытные наемники, среди которых были рыцари, но не только. У каждого из них была своя история, богатая войнами, походами, заговорами, набегами, осадами и погромами. Их цена определялась только репутацией на перевале и боевым конем. Без коня на самый верх было не пробиться.

Последняя ночь на перевале прошла спокойно: никого не убили и даже не покалечили. Студеным сумеречным утром на перевал поднялся человек. Вид его был жалок, но свидетелей плачевному состоянию было немного – в предзвездный час главная улица была пуста. Человек, а звали его Каспар, был известным в здешнем крае «кромешником», но сейчас он

больше походил на бродягу. Разбитая голова повязана платком, ножны пусты, одежда пропитана кровью, хотя под слоями грязи этого было не разобрать. Шел Каспар, тяжело хромая, как на костыль опираясь на здоровый сук, подобранный где-то в лесу. Если бы при каждом шаге на нем не шуршали железными пластинами доспехи, то случайный прохожий из жалости подал бы ему монету или со злобы отвесил бы тумака.

Каспар подошел к «Селезню», лучшему постоялому двору перевала после «Кардинала». Стоит заметить, что все дворы перевала были постоялыми. Каждый чужак должен был выбрать себе дом, после чего его с хозяином связывал известный договор. Но только два дома можно было назвать странноприимными домами в буквальном смысле.

У входа Каспара заметил какой-то вояка. Он был смертельно пьян и, не узнав Каспара, отпустил шутку про милостыню для хромого коротышки. Каспар действительно был малого роста, но в Хундретвассере никому, кроме одного человека, не могло сойти с рук шутить этим. Каспар свалил солдата в грязь ударом кулака, а потом намял бока своим увесистым костылем.

В «Селезень» набилось полным-полно народу, но все, кроме незадачливого забулдыги, которого Каспар встретил снаружи, спали. Об отдельной комнате – а гостевых комнат в «Селезне» было целых три! – нечего было думать. Хотя одну из этих комнат Каспар занимал по целым неделям, сейчас все было битком, и Каспару не нашлось даже лавки. Он привычно отыскал угол потеплее и повалился на плащ. Глубокая усталость быстро сменилась сном, в котором не было ни ран, ни поражений, ни мыслей о будущем.

Каспар проснулся в середине дня. Он с приятным чувством отметил, что его пока не узнали. Он так замotalся в своем темном углу покрытым грязью плащом, что на него не обращали внимания, принимая за перебравшего браги прохожего. Это было единственным приятным моментом его пробуждения. Рана на ноге заболела сильнее, чем во время ходьбы, а голод после недельного блуждания по лесу обрушился на него с удесyтеренной силой.

Каспар вылез из угла и взобрался на лавку перед свободным столом. Сколько знакомых лиц! Приятно чувствовать себя дома, пусть не дома, но почти дома, хотя бы в своей тарелке. Каспар хрипло окликнул ловко снующую между столов девку:

– Ей! Марихен, любовь всей моей жизни, принеси поесть усталому путнику!

На крик обернулась не только Марихен, в первую секунду испугавшаяся, как будто увидела привидение, обернулись на знакомый голос почти все, кто был в трапезной. Не узнать Каспара было невозможно. Поняв, кто объявился на перевале, все не занятые важными делами, вроде еды, карт или переговоров, поползли к двери разносить по перевалу новость о возвращении. Остальные, смерив Каспара злорадными взглядами, вернулись к своим делам. Эти люди не имели с Каспаром личных счетов, но его неудача означала больше денег для остальных. Может, не сегодня, не в этот самый день, приплывут к ним деньги, в иное время предназначенные Каспару, но когда-нибудь это случится, и это повод с чувством невинного злорадства улыбнуться.

Марихен расставила снедь по столам и присела на лавку к Каспару.

– Ловко же ты проник сюда. Ни одну мышшь не потревожил. Мы ждали тебя со дня на день. Не думала, что ты так плох. Похож на прокаженного. Да тебе же ногу проткнули! Я надеялась, для тебя обойдется.

Марихен вытащила из-за пазухи тряпку, которой сметала со столов объедки, и отерла от грязи лицо Каспара. К счастью, хотя бы его красивое лицо они пощадили, только несколько царапин от веток.

«Со дня на день, откуда?» – промелькнуло в голове у Каспара, но голод вернул его к действительности.

– В этот раз не обошлось... и оставь в покое мою ногу... и неси мне поесть, чертовка! Я неделю питался одними ягодами, поваландайся я по лесу еще немного, распух бы с голоду

до твоих форм! – Каспар протянул руку и отвесил щедрый комплимент формам, которые имел в виду. – Поторопись же!

– А будет ли монета у калечного карлика, – грубо огрызнулась Марихен, но тут же рассмеялась, показывая, что это была только шутка. Единственным человеком, который мог шутить над ростом Каспара, не рискуя напороться потом в темноте на его нож, была Марихен. – Наш стол стоит дороже удачного сравнения.

– Деньги у меня есть, а не есть, так будут, – уклончиво пообещал Каспар, а его слово стоило дорого.

Марихен недовольно фыркнула в ухо Каспара, показывая, что ее таким не проймешь, и ушла, но уже скоро вернулась с чугунным судком, в котором лежала жареная курица.

Жир толстым слоем покрывал дно, а хрустящая корочка блестела даже в скудных лучах солнца, что с трудом пробивались через прикрытое ставнями окно. Думать о деньгах Каспару сейчас не хотелось: голод затмевал все. У хозяина «Селезня», как и у всех на перевале, Каспар был на хорошем счету. Конечно, к вечеру все окончательно поймут, в каком бедственном положении он очутился, и тогда кредитов ему не видать, но до тех пор можно без зазрения совести пользоваться остатками своей значимости.

На перевале знали, что Каспар, не устояв против награды, повел караван с отрядом, наспех набранным непонятно из кого. Слыхали, что в его отряде случился мятеж, в котором купцов и верную часть охраны перебили, а караван разграбили. До сего дня только над судьбой Каспара висел туман неизвестности. Что с ним: убит, погиб в лесу, сбежал с мятежниками? К концу курицы о его возвращении на перевале знали все до последней собаки.

Когда Каспар, сжимая рану на ноге, раздумывал, не нагрузиться ли впрок второй курицей, к его столику подсел незнакомец. Каспар профессиональным взглядом оценил подошедшего. Судя по одежде и украшениям, это был какой-то восточный вельможа, не купец, не из верхушки знати, но и не простак. Много в нем казалось необычным. Скорее всего, некий посланник по тайным поручениям. Это объясняло, что тот забыл в таком забытом Богом месте.

– Ты тот, кого здесь называют Маленький Каспар? – спросил незнакомец.

– Просто Каспар, прошу запомнить. Кто вы? – ответил Каспар.

– Меня зовут Паласар, просто Паласар, – представился незнакомец.

– Купец? – закинул удочку Каспар.

– Скорее нет. Путешественник.

– Просто путешественник? – В ответ Паласар кивнул. – Да, можно было догадаться. Значит, не купеческого сословия. Очень неловкое место, чтобы просто путешествовать.

– О нет, не говорите так, любезный Каспар! Я многожды бывал в местах куда более странных, чем это! – искренне, по крайней мере так показалось со стороны, воскликнул Паласар.

– Так какого вы, простите, рода, племени, знамени? – поинтересовался Каспар, уже не ожидая честного ответа.

– Я из одного могущественного братства, которое, однако, не пользуется влиянием в здешних местах и на поддержку которого я не могу рассчитывать, и посему имею к вам дело, – с наивной хитростью уклонился от ответа Паласар.

– Что за братство, если не секрет, – Каспар снова попросил гостя назваться. Пусть скажет хоть что-то.

– Не думаю, что наше название вам что-то скажет. Братство серы и ладана. Но довольно обо мне. Я слышал, вы лучший в здешних местах, кто занимается охраной.

«Выдает себя за какого-то колдуна, – подумал Каспар. – Наверное, не магометанин, хотя нельзя сказать точно. В украшениях слишком много тайных знаков. Напустил старик туману. Должно быть, последователь одной из мистических сект».

– Не в лучшее время вы просите моих услуг. Я ранен и сейчас мало на что гожусь, – пришлось признать Каспару.

Паласар заинтриговал его, но даже самый жгучий интерес не мог исцелить рану в ноге.

– Это не имеет для меня значения. Мне требуется охрана, и я хочу, чтобы вы взялись за мое дело. Оплата будет достойна ваших способностей, но и не превзойдет их, чего, я полагаю, для вас более чем достаточно.

Вот назойливый плут! И как ловко ввернул похвалу! Каспар бы улыбнулся милому старику и его затейливой обходительности, но настроение у наемника становилось все мрачнее.

– Послушайте, я не могу, – подпустив в голос раздражительную резкость, ответил Каспар. – Если вы готовы ссудить золотую монету за золотой совет, то я готов порекомендовать лучшего человека, который справится с вашим делом. Если господин желает непременно низкорослого начальника охраны, я готов отыскать вам человека, чей рост от земли будет не выше моего.

– О, нам принесли еду! – словно и не услышав Каспара, обрадовался Паласар.

Девка – в этот раз их обслуживала не Марихен – поставила на стол тарелки с ветчиной и четвертью головки сыра, бутылку вина и хлеб.

– Мы можем тут славно поесть! Я ведь еще не обедал. Угощайтесь! – предложил Паласар.

Что ж, если для того, чтобы поесть, придется выслушивать его разговоры, то Каспар готов их выслушать. У самого язык неплохо подвешен.

Паласар достал кинжал и отрезал себе ветчины. Интересно, намеренно ли он ест ветчину, чтобы показать, что он не иудей и не правоверный. Хотя по этому еще нельзя судить. Каспар знал, что иудеи едят свинину, чтобы отвести от себя подозрения церкви, в тех местах, где гонения сильны и такие подозрения могут стоить жизни. Тем не менее Каспар начал есть сыр, отламывая от него куски двумя пальцами правой руки, делая это по магометанскому обычаю, чтобы не оскорбить обычаев незнакомца, если Паласар таковым следует.

– В этом нет необходимости, – ответил на этот жест Паласар и отломил двумя руками кусок сыра, который, предварительно отжав от сыворотки, положил на ветчину.

Кинжал его был необычен. Дамасская сталь – это редкость, но на перевале ее можно встретить. Внимание Каспара привлекла золотая рукоятка: она была слишком богато украшена. Каждый из четырех рубинов стоил иного каравана, проходящего через перевал, а пятый был еще больше и весьма искусной огранки. Каспар не удивится, если у такого камня есть или было собственное имя в честь жены какого-нибудь восточного деспота. Таких камней у обычных ювелиров не водилось. Они быстро оседали в царских сокровищницах и редко их покидали. Незнакомец совсем не таил кинжал, значит, владел им по праву.

Внимание Каспара не ускользнуло от наметанного глаза Паласара.

– Вы здесь не привыкли к нашей роскоши. Ты, как и все, глазеешь на мой кинжал, – с иронией произнес Паласар, продолжая орудовать над ветчиной. – Впрочем, у меня водятся вещицы и более значительные, но об этом тс-с-с! – Паласар поднес палец к губам. – Мы не хотим, чтобы кто-то напрасно пострадал из-за простой алчности.

– Богатая вещь. Интересно, кто может делать такие подарки? – спросил Каспар, хотя не рассчитывал на честный ответ. – Не думаю, что ты купил ее на ярмарке.

– Кто? Это пустое! – всплеснул руками Паласар. – Могу назвать хоть дюжину имен. И у каждого я был принят. По-моему, интереснее, за какие услуги делают такие подарки, – продолжил он и в конце хитро улыбнулся.

– И за какие же?

– С моем случае это – спасение державы.

– Тогда подарок не так велик, – ответил на самовосхваление Каспар и задумался про себя: «Не слишком ли много он берет на себя? За кого хочет себя выдать?»

– Ты сейчас подумал, что я многовато болтаю про себя, – ответил на замечание Паласар. – Нет, я не читаю мыслей, разве что я читаю их в лицах. А этот разговор у меня повторяется которую дюжину раз с разными людьми, и читать мне просто. Если ты так подумал, то я скажу

две вещи. Во-первых, кем-то подмечено, что любые небылицы, которые человек присочинит о себе, это невинный лепет рядом с махровым вздором, какого наплетут про него другие. Во-вторых, награда скромна, потому что в грозах смут я лишь тенью стою за спиной сильнейших, и моя роль в иное время вообще могла быть не замечена, поэтому щедрость дарителя... кхм... не подвергается сомнению.

– Пусть так. – Каспара снова клонило в сон, и, похоже, начиналась лихорадка. Он все сложнее удерживал в голове нить разговора.

Вино было настолько кислым, что нельзя было сказать, из какого сорта винограда оно испорчено, но оно отбивало у ветчины вкус прогорклого жира и подвальной сырости и одним тем было хорошо. От вкуса ветчины Паласар поморщился.

– Мешки корицы, кориандра, красного и черного перца, каких угодно пряностей проходят здесь без счета. И тому я сам свидетель, они прошли через перевал не далее пяти дней назад, а они жалеют добавить к мясу необычайную соль.

– Я на короткой ноге знаком с восточными обычаями, но сейчас обойдемся без бухарских количеств, – с трудом выдавил Каспар. – Ты здесь не чтобы обсуждать простоту кухни.

– Наша обходительность не в твоём вкусе? – притворно удивился Паласар. Он достаточно уболтал этого несговорчивого Каспара. Теперь нужно заканчивать, пока он не свалился от слабости. Но перед этим подержать его на крючке еще чуть-чуть. – А ты выглядишь как человек тонкого ума, способный оценить неспешное течение беседы, подобной шахматной партии в сорок ходов.

– Неспешное течение у вас от жары и от лени. Жары здесь не наблюдается, а до вашей обходительности отсюда четыре недели галопом на свинье.

– Да уж, местные вши не располагают к переговорам, достойным шахматной игры. Я повторяю свое предложение. Мне нужен начальник охраны для моего груза. Я выбрал тебя, и поскольку ты сейчас без работы и денег, я нахожу твой отказ едва ли не оскорбительным.

– Я был ранен и почти искалечен! – Каспар собрал остатки гнева. – Сегодня хромым меня назвал пьянчуга, потом дразнила Марихен, а скоро меня будут дразнить все уличные мальчишки, и я мало смогу сделать, если им захочется кидать в меня камни!

Каспар не хотел этого всего говорить, но осознание своей печальной доли внезапно затопило его, и он не мог остановиться, пока полностью не выговорился.

– Удача отвернулась от меня. Здесь мне не найти работы, потому что здесь мало дураков, которые будут платить золотом за грошовые советы и кормить меня ради разговоров. Я не могу шагу ступить без костыля, я не могу вести даже себя, не то что караван. Здесь мне нет дома. Я мог бы податься в церковь, но в приходе меня считают слишком шумным. Все что мне остается – это прибиться к торговцам и искать пристанище внизу. Меня мало что ждет, кроме милостыни и пьянства. А если рана загноилась, то лекарь может отнять целиком ногу, и тогда вся моя жизнь станет милостыней и пьянством.

– Твои страдания велики, но удача переменчива, мой друг. Может быть, именно теперь она поджидает тебя, нужно только схватить ее.

– Вся моя удача была в том, что я добрался сюда живым. Если бы ты знал, сколько неисполнимых обетов Господу я дал, чтобы выбраться сюда из леса.

– Если твоя рана – это единственное, что тебя беспокоит, то я утешу тебя. Она не настолько серьезна. Я могу вылечить ее за одну ночь и один день.

– Не смейся надо мной, старик! Ты даже не видел ее.

– Лекари Джун-Го могут узнать болезнь по биению сердца, в Индии – по дыханию, а в Тибете – взглянув на изображение человека. Тебя смущает, что я могу определить серьезность твоей болезни по нашему долгому разговору?

– И где все эти лекари? Что мне до этих рассказней? А коли ты сам лекарь, то должен знать, что тут нужны месяцы!

– Я не лекарь, но некоторые болезни мне подвластны, и я знаю, что если раненый может подняться на ноги, то у меня найдется средство излечить его. Я уважаю свое искусство и не бросаюсь пустыми обещаниями. Возьми это. – Паласар достал из складок расшитой звездами накидки мешочек и протянул Каспару. Мешочек сладко пах сушеными травами. «Братство серы и ладана», – вспомнил Каспар и воскликнул:

– Ты знахарь и алхимик! – Его на короткий миг охватило детское ощущение чуда, которое вмиг избавит его бед. Через несколько дней он будет вспоминать об этом наивном, но светлом чувстве со всем отвращением, на какое только способен, но в этот миг он был искренне взволнован.

– Тише! – попросил Паласар. – В этом нет ничего плохого, но мое искусство не в чести у некоторых. Мне не хотелось бы прослыть «шумным», как ты сказал. Завернешь содержимое в льняной платок, намочишь горячей водой и приложишь к ране. Плотнo завяжи поверх и держи в тепле. Травы вытянут хворь, срastят кровяные трубки и очистят кровь.

Каспар собрался спрятать мешочек, но Паласар резко схватил его за руку и уставился ему прямо в глаза.

– Одна ночь и один день. Это сильные травы. Самые сильные. Армия, идущая с возом этого зелья, будет непобедимой. Сколько, по-твоему, это должно стоить? Это очень дорогие травы, а поскольку денег у тебя нет, я предлагаю следующий договор. Если травы исцелят тебя, ты берешься за охрану моего груза за обычную плату.

Ощущение чуда еще держалось, поэтому Каспар, не думая, согласился:

– Нет такого травознания, чтобы исцелять резаные раны за одну ночь. Если завтра я исцелюсь, я отведу тебя, куда скажешь, за половину платы.

– По рукам, – Паласар просиял, будто вырвал из Каспара нерушимую клятву.

Они протянули руки, чтобы пожать их в знак соглашения, но при первом же прикосновении к ладони Каспара Паласар отдернул руку.

– Что за фокусы? – злобно зашипел он, глядя на свежий порез, проходивший по холму Венеры.

– Ой, премного извиняюсь, – неловко пробормотал Каспар, убирая в рукав потайное лезвие. – Выскакивает иногда. Нужно наладить пружину.

– Дурак! Не режь меня больше! – с обидой потребовал Паласар.

Они снова пожали руки.

– Но одно условие... – начал Каспар.

– Нет! Уговорено и кончено. – Раздраженный Паласар быстро вскочил из-за стола и удалился, стряхивая с плаща крошки еды.

«Неприятно это – не иметь возможности встать из-за стола и догнать его», – подумал Каспар.

Ходьба – самая простая вещь на свете, умение, которым овладеваешь в таком раннем детстве, что не можешь вспомнить; свою великую способность ходить не замечаешь годами, не обращаешь на нее внимания, как не замечаешь, что дышишь. Но, лишившись этой мелочи, сразу чего-то недостает. Вера Каспара в волшебное снадобье была мимолетна, и теперь он думал о знахарском мешочке, как об обычном товаре шарлатанов, хотя Паласар был не так прост, как ярмарочный торговец счастьем.

В последней фразе Каспар хотел уточнить, что в точности значит это слово – исцелит. Травы же могут помочь, но насколько они должны помочь, чтобы Паласарова часть сделки считалась выполненной? В любом случае, на полное исцеление рассчитывать не приходится, и всегда можно сказать Паласару, что травы помогли недостаточно. Пожалуй, даже хорошо, что тот сбежал прежде вопроса. Это оставляет место для дальнейших переговоров.

С этой мыслью Каспар взялся за новое дело, благо, что для его исполнения ему не придется вставать из-за стола. Может, жизнь из милостыни и пьянства, какую нарисовал себе Кас-

пар, и лежала перед ним беспросветными годами мытарств и мороки, кое-что интересное он еще успеет поделывать. Он подозвал к себе знакомых, следивших за его разговором с Паласаром.

Проведя весь вечер за расспросом наемников, Каспар составил себе картину о своем нанимателе. Началось все неделю назад, когда на перевал вошел богатый караван сейида Лезаха из Шираза. Лезах никогда не покидал родной Шираз, поэтому прибывшего с караваном Паласара сначала приняли за главного караванщика. Паласар поселился в «Кардинале», единственном постоялом дворе, где были богатые покои для купцов, в них были и кровати, и ночные вазы, а по утрам приносили таз подогретой воды, чтобы господа могли умыть свои лощенные физиономии.

Паласар не скупился на расходы, хотя его траты происходили словно от неопытности, а не от любви к роскоши. Купцы считали каждый грош, Паласар будто и не вел счет деньгам. Это, а также то, что все распоряжения по каравану отдавал другой человек, привели к тому, что статус Паласара на перевале стал меняться с понятного на непонятный, а когда спустя два дня караван тронулся в путь без Паласара, он перешел в разряд личностей таинственных. Никто так и не смог улучшить момент, чтобы порыться в его вещах: Паласар был нигде и везде, возникая в самых неожиданных местах и спугивая воров (их на перевале было два, и оба, чтобы не подвергнуться остраксизму, соблюдали неписанные правила не воровать у «крюмешников» и людей уважаемых, а, обнося пришельцев, блюсти приличия и меру).

Скоро стало известно, что Паласар собирает охрану для некоего каравана. Каспар так и не смог разузнать, кому первому он это сообщил, но так или иначе возникла задача: организовать для Паласара охрану груза, при этом он упомянул, что звездам угодно, чтобы его караван вел человек небольшого роста со смуглой кожей. В этом описании узнали Каспара. На слова желавших взяться за работу, что Каспар ушел и не вернется несколько месяцев, Паласар отвечал, что если судьбе угодно, чтобы с ним шел Каспар, то с ним пойдет именно Каспар. Фатализм для здешних мест необычный, но по восточным меркам приемлемый. Вскоре Паласар сообщил – Каспар опять не узнал, кому он это сообщил, – что его дело не требует отлагательств, поэтому Каспар должен вернуться вскоре. Этот слух распространился в то же время, что и новость о мятеже в отряде Каспара, и Паласар перешел в разряд личностей весьма таинственных, даже опасных. Над ним начали сгущаться тучи, но сгуститься они не успели, так как Каспар вернулся.

Две странные детали отметил Каспар в составленном по разным свидетельствам рассказе. Во-первых, у Паласара не было никакого груза. Ни повозки, ни лошади, ни сундука. Караванщик Лезаха забрал все, что могло принадлежать Паласару. Второе, люди по-разному оценивали его возраст. Человек, встречавший караван Лезаха, описал Паласара молодым. Другой наемник из рыцарей говорил о нем, как о человеке в почтенных годах, а Каспар, хорошо разглядевший Паласара вблизи, посчитал его стариком. Так сильно люди не ошибаются, но никто другой не обратил на это внимания. Каспар предположил, что Паласар использует какие-то трюки вроде накладной кожи, чтобы скрывать свою подлинную внешность.

На ночь Каспар получил комнату. Никто не знал, о чем он сговорился с Паласаром, но все видели, что Паласар ушел, заключив сделку. Это должно обернуться деньгами для Каспара, и об оплате можно не беспокоиться.

В обычной комнате Каспара было хорошо натоплено – одна из стен была трубой печи, и не так сквозило через щели, как внизу. Кто-то из прислуги даже озаботился положить в жаровню свежих углей из печи, так что было в чем нагреть воду. Марихен предложила сходиться за лекарем, но Каспар остановил ее, уверив, что они сами смогут все сделать.

Он знал этого лекаря, единственного на перевале, и у того было только одно особое медицинское умение, и оно приводило Каспара в замешательство. Лекарь пил мочу, смакуя ее, как лучшие вина. Делал он это, чтобы определить по вкусу, какой орган поражен болезнью. Для лекаря это, без сомнений, полезное умение. Наверное, этому можно научиться, и в каких-то

университетах есть об этом специальные лекции, но как делать при этом такое заинтересованное и сложное лицо, какое бывало у здешнего лекаря во время диагностики, было выше понимания Каспара.

Обмывшись в тазу с горячей водой и нагрузившись вином, Каспар объяснил, что надо сделать. Они с Марихен отрезали кусок от льняного покрывала, завернули в него драгоценное содержание мешочка и размочили кулек в воде. Потом Марихен уложила сверток на рану Каспара и плотно привязала платком.

Каспар улегся на подстилку. Простыни и покрывала были, как обычно, грубы. По меркам перевала, первый класс, но грубее того белья, что Каспар знал в детстве. Он любил это место, все-таки ночей тридцать в году он проводил именно на этой плетеной подстилке.

Марихен задула свечу и прилегла рядом. Она решила поиграть с Каспаром и запустила руку ему между ног. Но Каспар не отозвался. Став почти бесчувственным от вина, он почувствовал, что с рукой Марихен на причиндалах засыпать стало чуть приятнее, но объятия Морфея влекли его сильнее, чем объятия Марихен. Очень скоро Каспар провалился в сон, спеша хотя бы на ночь отрешиться от своей тревожной участи.

– Помнишь нашу первую ночь? Я порезалась о твой потайной нож, а ты сказал, что кровь в первую ночь – хороший знак? – шепотом заворковала Марихен, но Каспар едва слышал ее сквозь сон и не нашел в себе сил ответить. Марихен вздохнула и покинула его.

Пробуждение для Каспара выдалось тревожным. Он привычным движением привстал, откинул покрывало, поглядел на голые ноги, затем повернулся, поставил ступни на холодный пол и встал, ощутив под ногами уверенную опору. Он снова стоял, не ощущая боли. Невозможно!

Он сделал три шага до лавки, где валялась его одежда. Боль не возвращалась. Он сел и непослушными пальцами развязал, разодрал повязку на бедре. Он долго смотрел на полностью зажившую рану. Не веря глазам, он тыкал пальцами, сжимал, щипал, но никак не мог поверить, что зияющая дыра плоти превратилась в розоватый рубец. Пришлось уколоть себя лезвием, чтобы убедиться, что он не спит. Уж не были ли все бедствия, случившиеся с Каспаром за последнюю неделю, дурным сном? Может, это караван, рана и мятеж были затянувшимся кошмаром? Нет, рубец на ноге был свеж, чтобы его можно было принять за позабытый старый шрам.

В содранных с ноги бинтах Каспар отыскал истлевший от крови мешочек Паласара. Травы, остававшиеся в нем, пахли сладковатым трупным гниением. Каспар бросил их в остывшую жаровню. Вскоре одевшись, в недобром расположении духа Каспар спустился вниз, там он наскоро позавтракал парой яиц вкрутую с козьим молоком и со всех ног (теперь-то у него их две, и обе рабочие!) побежал в «Кардинал» за разъяснениями.

Паласара пришлось изрядно подождать. Паласар, по словам хозяина, вставал не ранее полудня. Ломиться в комнату щедрого гостя, если никто не умер или не при смерти хотя бы, хозяин строго-настрога запретил. Тут уж пришлось и Каспару подчиниться. Бузить в лучшем странноприимном доме не позволялось даже ему.

– Гляжу я, чудо не слишком обрадовало тебя, мой друг, – поприветствовал Паласар Каспара, когда наконец спустился из своей комнаты и почтил собравшихся внизу гостей. – Но теперь я нахожу тебя здоровым и полным сил, чтобы приняться за мое дело.

– Что это за магия? – мрачно спросил Каспар и пожаловался: – Нога еще болит.

– Не так сильно! – воскликнул Паласар. – Совсем не то, что вчера. Спроси тут любого, не я ли поставил тебя на ноги? А если где и побаливает, то всяко не так, чтобы это помешало походу.

Каспар на это лишь неопределенно хмыкнул.

– Эти рецепты для узкого круга, – нагнулся Паласар к уху Каспара, – но могу заверить, что там, куда мы движемся, нам могут повстречаться куда более удивительные вещи и превращения. Даже мне неведомо, чему я могу оказаться очевидцем, – загадочно пообещал Паласар.

Сам-то он знал, что ничего такого удивительного не будет. Уж сколько он ходит-бродит со своей ношей, и ничего не происходит. Все его приключения не сравнить с тем, что ему довелось повидать в компании Мельхиора. Ему доставляло удовольствие удивлять простой люд из-под таинственной маски восточного алхимика. Если бы он знал, насколько близко его слова окажутся к истине, он бы поостерегся произносить их вслух.

– Как же ты хочешь, чтобы я охранял тебя? – Каспар бросил нить и перешел на деловой тон. – Я не берусь за работу, пока не узнаю всего.

– Увы, нет, мой друг. Ты уже взялся за работу, за половинную плату, как я помню. Поэтому теперь ты будешь делать то, что скажу я.

– Я могу отказаться, – попробовал припугнуть Паласара Каспар.

– Нет, не можешь. – развел руками Паласар. – Все здесь знают, что ты согласился. Я знаю местные порядки. В таких местах просто так не отказываются. К тому же, у меня нет уверенности, что травы не захотят вернуть твою болезнь обратно, если условия договора не будут соблюдены.

– Ты как следует насадил меня на вертел, старик, – вздохнул Каспар, признавая правоту Паласара. – Но какую охрану хочешь? Куда мы идем и с каким товаром?

– Груз прибудет скоро. Это будет одна повозка. Моя обычная повозка. Она только моя. В ней я буду жить в дороге, как живу обычно. От тебя мне нужен надежный отряд охраны и все, что необходимо в таком путешествии. Вот и все.

– А сколько?..

– Сорока человек мне будет достаточно, – не дослушав, ответил Паласар, хотя Каспар хотел спросить, сколько дней Паласар собирается провести в походе.

– Сорока?! – изумился Каспар, забыв свой вопрос. Уж не собрался ли старик на какую-нибудь войну? – Сорока! – повторил Каспар. – Почему бы не взять сразу дружину курфюрста? Как мне набрать сорок человек за короткий срок? И на кой черт тебе такой отряд?!

– Я уже посчитал: в это время года тут можно легко набрать и полсотни. Мне говорили, ты один из лучших. Вот и займись этим – отбери мне сорок человек. Оружие, стрелы, доспехи, что вы там еще носите с собой. Лошади, еда на семь дней. . . Я не говорил, что наш поход займет семь дней?

– Нет, – Каспар получил ответ на вопрос, который не успел задать.

– Так вот – семь, может быть, восемь или десять, но мне говорили, что я могу уложиться в семь. На обратный путь запастись не нужно. Вам дадут все необходимое, когда мы доберемся до места.

– Куда мы направимся? – поинтересовался Каспар, прикидывая, куда может двигаться Паласар. – За семь дней с повозкой отсюда доберешься не так далеко.

– В замок одного господина, что на севере отсюда. Другого тебе знать не нужно, дорогу я покажу.

– Здесь не так много замков, – не купился на это объяснение Каспар. – Все замки принадлежат курфюрсту и его вассалам, но за семь дней можно дойти только до пограничных крепостей, управляемых его маркграфом. Это забытые богом охранные бастионы, куда ссылают за провинности. Там нет никаких господ. Там нельзя продать никакой товар. Там вообще нет никого, кроме не просыхающих от вина и разбоев гарнизонов, маркитанток и обслуги. Мы же не пойдем к ним? Жители перевала у них не в почете.

– Твои знания окрестных земель бесценны в твоем ремесле, но в моем деле они бесполезны. Мое дело не до здешних князьков и их крепостей, – отрицательно покачал головой Паласар.

– Тогда куда же...

– Не стоит, – оборвал Паласар, мягко проведя рукой по воздуху. – Для всего найдется время в дороге, а сейчас у тебя есть работа. Разве нет?

– Мне нужно три дня, – сказав это, Каспар развел руками и разнузданно поклонился, показывая, что подчиняется, но учтивости от него ждать не стоит.

– Приходи через три дня, – крикнул вдогонку Паласар, когда Каспар выходил из дверей.

За этим криком последовал негромкий звук, который Каспар различил бы и с полсотни шагов. Он остановился как вкопанный, приятное тепло разлилось по телу от ушей до пят. О, этот сладкий приглушенный звон, как будто вздрагивают в преддверии марша кимвалы райского войска. Звук падающего кошель с золотом. Каспар обернулся: Паласара в трапезной уже не было, его тихие шаги, удаляясь, скрипели по лестнице, а на столе, у которого они разговаривали, лежал он. И в нем было именно золото. Серебро падает иначе, нет той тяжести, что у золота. Каспар приоткрыл стянутое шнуром горло кошелька и посмотрел внутрь. Толстые грязно-желтые монеты ширазской чеканки: одна, две, три, четыре, пять... Сколько же их тут? И каждой хватит, чтобы купить здесь с потрохами любого, или почти любого, или с потрохами, но не со всеми. Каспар, давя на лице непроизвольно растекавшуюся улыбку, закрыл кошель, чтобы без лишних глаз пересчитать монеты у себя в «Селезне». Старикан подозрительный, но как вести дела знает.

Дело, на удивление Каспара, пребывавшего поначалу в мрачном настроении, спорилось быстро. После того, как, набрав солидный отряд, ушел блистающий шелками, чаем и пряностями караван Лезаха, оставшиеся люди были готовы впрячься в любое дело, лишь бы подкопить деньжат перед зимой, когда купцы с востока переставали хаживать через перевал, и наемникам оставалось перебиваться скромными заработками при местных торговцах. Стоило, хитро прищурившись, показать нужным людям пару ширазских монет, и Каспар смог собирать людей, не выходя из «Селезня». Все знали, что люди Лезаха возвращаются морем, и снова такие монеты они увидят не раньше следующей осени.

За два дня Каспар нашел сорок человек и, как верно посчитал Паласар, даже получил возможность кое из кого выбрать. Десятников он набрал из надежных и опытных знакомых «кромешников», большая часть пеших солдат тоже была не из новичков. Среди них пришлось вклинить лишь дюжину непроверенных людей разной масти и умения, но такого числа было мало, чтобы организовать мятеж, подобный тому, что застиг его в прошлом походе. Если среди дюжины обнаружится лидер, то в худшем случае их хватит на ночную кражу. Лидера же легко определить и тихонько придушить в ночи: лег и не проснулся, с кем не бывает! А без лидера на большую гадость, чем дезертирство, они не способны.

С провиантом тоже обстояло удачно. Крестьяне, жестоко обложенные оброком, все же предпочитали рисковать и тащили на перевал остатки урожая, сбывая его за бесценок, пока он не достался войску курфюрста, вовсе не имевшему привычки платить за что-либо в округе.

Второй день подготовки подходил к концу. Все распоряжения отданы, авансы розданы, товары оплачены. Кошель с золотом заметно полегчал, и оставшиеся монеты звонко бряцали в его непомерно большом брюхе.

Паласара все время подготовки не было видно. Или он сиднем сидел в своей комнате, не высовывая наружу носа, или черти понесли его куда-то прочь с перевала, но было сложно представить, куда он мог отправиться, ведь ни лошади, ни осла у него не было.

В сумерках Каспар возвращался по улице к «Селезню». Сзади к нему бесшумно приблизилась тень.

– Что ты подкрадываешься ко мне, как к дикому зверю? – почувял Каспар движение. – Вылазь на свет. Что за охота следить за людьми из подворотен? Там воняет, как от выгребных ям.

– Запах помета помогает приблизиться к животным, – сказала тень, отделившись от проулка. Фигура, замотанная шкурами, сшитыми во что-то наподобие шубы, тихо приблизилась.

– Ага, только с людьми этот фокус не проходит, – ответил Каспар подошедшему человеку.

– Поэтому я сторонюсь людей. Слишком не похожи на животных.

Каспар знал его, хотя не помнил имени. Постоянный насельник перевала, но не наемник, во всяком случае во времена Каспара он этим не промышлял. Сколько Каспар его помнил, тот был охотником и скорняком, продававшим в постоялые дворы пойманную дичь, а в мастерские – кожу и мех.

Повисло молчание. Каспар подумал, что охотник хочет что-то продать ему, но ошибся.

– Я был в лесах прошлой ночью. К югу от большой гряды. Ты видел это место с дороги много раз, хотя и не знаешь его изнутри.

– Намедни я провел в лесу неделю. Неприятную неделю. Отвратительную. Всех комаров пересчитал. И что же было в том лесу, чего я не видел? Белки размером с... – Каспар помедлил, – белок?

– Белок хватает... – согласился охотник, – но я не ожидал увидеть там твоего хозяина.

– Паласара?

– Я не тружусь помнить имена тех, кто приходит и уходит. Восточный чудак в накидке со звездами. Остроносые сапоги с каблуками, подбитыми девятью гвоздями с узкими шляпками...

– Да, это он. Продолжай! В лесу? Что он там делал?

– Я не знаю. Я не догнал его.

– Что, прости?

– Я увидел его вчера на закате на большой гряде. Его одежда заметна издали. Я решил проследить за ним. Нелегко взбираться на гряду. Слишком осыпается. Но он поднялся на нее. Когда я поднялся вслед за ним, его уже не было видно. На камнях я потерял его след. Что он мог делать там ночью?

– Ты же был там, а не я. Что он там делал – это единственное, что я хотел услышать от тебя. Ты не берешь с собой собак?

– В тот раз не взял. На его следах я нашел вот это, – охотник показал бронзовый амулет в виде человеческого языка. – Это беспокоит меня.

– Хочешь, чтобы я вернул его?

– Нет, я сам отдам его. Я странно чувствую себя с ним.

Охотник отступил в тень между домами и скрылся. Каспар, едва шевеля губами, обругал охотника за то, что он своим рассказом испортил ему настроение. Только все упростилось и вошло в колею, как придется всю ночь думать над новыми загадками. Или не придется. Если как следует напиться, то не придется. Или как следует позвать Марихен. Да пойти бы им всем к черту с их амулетами, с их Паласарами, и с их плащами со звездами, и с сапогами, гвозди в которых оставляют собственные следы.

Утром Каспар снова наткнулся на охотника. Тот дожидался его в трапезной зале «Селезня», и ему было что рассказать:

– На заре твой чужестранец повстречался мне на улице и спросил, не находил ли я чего в горах. Не знаю, почему, но я сказал, что нашел амулет в виде языка и думаю, это его. Но он не взял амулет, сказав, что оброненное, должно быть, ищет нового хозяина, и добавил, что это амулет честного человека. Он приносит удачу, но заставляет хозяина говорить только правду. Что за ерунда!

– А помнишь ли ты долг, что без заклада брал у меня той зимой?

– Конечно.

– Когда вернешь? – спросил Каспар.

– Но я не хочу его возвращать, потому что считаю эти деньги своими и избегаю тебя, а при встрече говорю тебе, что не помню. Что за бесовщина! – охотник зажал рот обеими руками.

– Вот видишь, наполовину уже работает. Тебе осталось найти к этому удачу, – Каспар похлопал охотника по плечу и, хохоча, поспешил прочь.

«Амулет честного человека! Немного таинственных пассов рукой, и этому дураку можно внушить любые магические бредни. Теперь он и впрямь начнет говорить только правду», – думал Каспар, идя по улице. История развеселила его, хотя сам он попал к Паласару в куда более изощренный силлок. Если бы амулет был волшебным, то и Паласар говорил бы с ним только правду, а этого про него никак не скажешь. Глупости.

Надо поскорее найти старикана. Сегодня третий день.

Перед «Кардиналом» стояла кибитка вроде тех, в которых путешествуют артисты и фокусники. В ней, как и во всем, имевшем отношение к Паласару, было нечто странное. Дерево, колеса, матерчатая крыша, расшитая звездами, – все выглядело необыкновенно новым. Как можно пригнать сюда в горы повозку, ничего не испортив и не поцарапав? Каспар понюхал смазку на оси: пахла она нездешним салом.

Ладно, если Паласару угодно ехать на ней, ее можно запрячь парой коней, даже одного крепкого будет довольно, если не придется тащить ее обратно в гору. Но как и откуда она взялась?

Зайдя в «Кардинал», Каспар увидел Паласара, трудящегося над небольшой зажаренной птицей с аппетитной коричневой корочкой.

– Садись, мой друг, – радостно пробурчал Паласар с набитым ртом, но, поняв, что не может продолжать из-за нешуточного риска подавиться, он выплюнул недожеванное мясо на пол (к нему, не таясь, устремилась чья-то охотничья собака) и продолжил: – Куропатка. Подарок здешнего охотника. Очень милый человек. Вкусно. Сейчас нам испекут вторую.

– Он показывал мне амулет. Ты задурил ему голову. Амулет честного человека? К чему эти ярмарочные шутки?

– Это правда и ни слова лжи. Эта навязанная совесть стала мне порядком надоедать, вот я и решил от него избавиться. На мое счастье, это несложно, но его можно сбить только тому, кто захочет его принять. Кстати, теперь я могу начать тебе врать.

– Наверное, он дорого стоит, если магия настоящая.

– О, да! Сколько правителей гонялись за ним, чтобы подарить его другим правителям, в слова которых не верили. Кое-кто вручал его пленным, не веря в пытку, но у таких ничего не получалось, потому что амулет тут же даровал новым хозяевам удачу, и они чудом сбегали из даже совсем немыслимых оков и подземелий. Когда я увидел, сколько суматохи из-за него происходит, я забрал его себе. Моих умений не хватило, чтобы уничтожить его, но надеюсь, здесь он не будет предметом такого интереса.

– Оставим эти рассказы. В дороге еще будет время почесать языками честных людей. Сегодня третий день. У меня все готово для выступления на одну неделю. Пойдем завтра на рассвете?

– За окном утро и не слишком поздно. Двинемся немедля! – ответил Паласар. – Как раз спустимся к вечеру с перевала. Иди собирай людей. Мне надо последний раз все уложить и проверить.

– Откуда взялась кибитка?

– Я получил ее вместе с грузом, когда мне пришлось ненадолго отлучиться. Здешний воздух так прекрасен. Даже начинаю жалеть, что большую часть жизни провел в жаре посреди пустынной пыли. Судьба удивительна, сколько событий должно было случиться, чтобы я оказался здесь, сколько решений людей, чья жизнь никак не связана с моей, должно было быть принято, чтобы события сложились так, а не иначе.

– Кибитка выглядит так, будто была собрана вчера.

– Вчера – это явное преувеличение, за это я могу ручаться, но ты прав, на мой взгляд, ее купили недавно.

– Где? Я не слыхал о таких мастерских в наших горах.

– Не в Ширазе, конечно! И не горные гномы, я могу ручаться и в этом.

– Но как ее доставили сюда? – У Каспара не было догадок, но Паласар молчал, точнее, не говорил ничего по существу.

– Уж точно не так, как она поедет отсюда! Но поторопись, нам нельзя терять времени. Уверен, что наш маленький трюк с перемещением не остался незамеченным. Такую вещь не протащить, не оставив следа. Нам будет лучше поскорее покинуть это гостеприимное место. Нас ждет дорога!

Нет, Паласар, ты ходил только по торговым трактам между крупными городами, не бывал ты в безлюдных лесах и горах, и не к добру твоя бравада. Но сказано – сделано, и вскоре караван двинулся с перевала. Пока Каспар был доволен, хотя и недооценивал Паласара, побывавшего там, где Каспару и не снилось.

Кто не успел пойти со всеми, быстро догнал караван на спуске, и к середине дня отряд Каспара был в полном составе. Паласар сразу же спрятался в кибитке и не вылезал оттуда до вечера. Никто не знал, куда они движутся, но дорога на север была единственной. Каспар не тревожился раньше времени, а отряд от щедрого аванса пребывал в радостном расположении духа. В три дня этому благодущию предстояло уступить место страху и отчаянию, но пока ничто не предвещало трудностей.

Повозка ровно шла по дороге. Коренной легко тянул постромки, и крепко сбитое дерево тихо поскрипывало, когда повозка перекатывалась через камни. Дорога сделала несколько крутых поворотов, змеясь мимо горы с одной стороны и ущелья с другой, потом выровнялась и пошла под уклон, вводя путешественников в широкую долину, затянутую туманом. На въезде в долину путников должен встречать большой бревенчатый дом с вместительной отдельно стоящей конюшней. Постоялый двор называли по имени его хозяина Одноглазого Марка, и никого не заботило, что сам хозяин дал своей постройке какое-то другое, потерявшееся во времени название.

Когда-то Марк был наемником в Хундретвассере, но, скопив денег, построил корчму в одном дне пути от перевала. Разбогатеть ему не случилось. Войска курфюрста, до пограничных крепостей которых был тоже день пути, как липку, обдирали его под видом налогов, а на защиту с перевала ему рассчитывать не приходилось. Дружина курфюрста время от времени являлась со своими требованиями на перевал, но один раз их как следует проучили. С тех пор они досаждали караванам не далее чем в долине, да и до нее добирались нечасто. У них было законное право на таможенную плату, но по этому праву ввозную плату можно взимать только на границе, а все, что просочилось незамеченным, считалось прошедшим таможенно.

Почти все идущие с перевала останавливались у Одноглазого Марка, и у Каспара не было причин нарушать этот порядок, хотя они и припозднились. Обычно двор Марка можно разглядеть сверху, едва выйдя за околицу перевала, но сегодня долину залило плотным туманом, спускавшимся с гор, поэтому те, кому не следовало бы встречаться, узнали друг о друге слишком поздно, чтобы избежать встречи.

К счастью для Каспара, это были не люди курфюрста. Приблизившись к постоялому двору, Каспар увидел стоянку незваных гостей. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: по соседству с двором Марка расположился цыганский табор. Каспар различил в тумане дюжину повозок, поставленных в круг, пестрые шатры, и, судя по ржанию, где-то поодаль паслись их лошади.

Каспару это не понравилось, но такие гости не грозили стать помехой. Взрослых в таборе не было видно, только несколько ребятишек прятались под телегами и глядели на пришельцев

через колесные спицы. Каспар спешился и дал двум десятникам знак следовать за собой, третьему он показал оставаться на коне. Между табором и входом в корчму было сильно вытоптано, значит, они часто навещают к хозяину и сейчас наверняка там.

Войдя в дом, Каспар, как и ожидал, увидел шумную гульбу. Мужчины пили вино, женщины играли музыку и танцевали. Вслед за Каспаром вошли два его десятника: Дамис и Вильямсон.

Музыка смолкла. Все повернулись к вошедшим. Легкие рубахи цыган, разгоряченных от выпивки и танцев, несуразно смотрелись в сравнении с крепкими доспехами вошедших наемников и соблазняли Каспара обнажить оружие. Цыганским ножам нечего делать против ратной одежды, и даже трое против тридцати обещало знатное избиение.

– Разгоним их, – шепнул Дамис. От резни он бы не отказался, но сейчас у него был деловой настрой, не располагающий к кровавым развлечениям.

– Пошли вон! – прикрикнул Каспар и заложил палец правой руки за пояс, на котором висели ножны.

Смуглый мальчик в рваных обносках проскочил через дверь и шмыгнул к мужчинам, сидевшим за столом. Он что-то сказал им, и, как по тайному знаку, все цыгане поднялись, опустили головы и стали тихо двигаться к двери. Женщины смотрели в пол, мужчины иногда поднимали лица и заискивающе улыбались. Каспар и его офицеры продолжали, не шелохнувшись, стоять у дверей, вынуждая цыган протискиваться за ними по одному.

– Клянусь, если кто-то из них скажет хоть слово, заколю, как свинью, – в голос сказал Каспар стоявшим позади. Цыгане разошлись бесшумно.

Когда зала опустела, Каспар подошел к Одноглазому Марку.

– Почему ты терпишь у себя эту мразь? Не слыхал про указы курфюрста, или тебе мало заработка от достойных людей?

– Я не ждал вас, – принялся оправдываться хозяин. – После каравана Лезаха я не думал скоро увидеть у себя достойных жителей Хундретвассера, вот и разрешил им остановиться. Шуму от них не больше, чем от курфюрстовой дружины. Деньги они платят, а не отбирают.

Каспар бросил на стол одну из последних золотых монет Паласара. Она стоила вдвое больше, чем можно было сторговать сегодняшней построй, но в пылу ненависти Каспар утратил часть рассудительности.

– Деньги? – ухмыльнулся он. – Вот что такое настоящие деньги. Сейчас ты выставишь нам еду, бочонок-другой пива, а потом мы подумаем, не разогнать ли огнем жалкое логово бродяг.

Марк казался обескураженным. Ему не хотелось быть неучтивым с Каспаром, которого могло вспламенить любое возражение. Каспара он знал хорошо, а в прежние времена у него самого чуть что не так – руки чесались хвататься за оружие. Но не отдавать же в самом деле гостей, положившихся на его гостеприимство, пусть и цыган, на растерзание безжалостным наемником. Тем не менее Марк счел за лучшее промолчать и ушел заниматься приготовлением трапезы.

Скоро зала снова наполнилась людским гамом. Солдаты ели мясо, сготовленное кухарками для цыган, пили пиво и брагу и играли в кости на помельчавшую в ходе многих разменов монету. Каспар отправил Вильямсона заниматься лагерем и лошадьми и сидел за столом с Дамисом и Петерфинном.

– Сейчас перекусим, а потом сожжем всех этих зверей, – предложил Каспар своим десятникам.

– Да стоит ли? Хорошо сидим, – лениво отозвался Петерфинн и залил в горло кружку горчичного эля.

– Не знаю, – поддержал товарища Дамис, – восточные господа не слишком жалуют, когда трогают цыган. Ты бы сошелся за такое дело сначала с хозяином. Может, ему не по нраву шуметь.

– Его нигде нет, – ответил Каспар, оглядывая залу. – А нашему народу в пору размяться. Да и не все ли нам равно, что он там считает? Мы его охраняем от всяких угроз. Он нам платит. Так начнем истреблять эти угрозы сегодня же.

– Пропал? Небось якшается твой падишах с цыганами. Ты бы пошел проверил, – посоветовал Дамис.

Никого, кроме Каспара, не радовало устраивать резню на полночи. Выгода от грабежа могла переселить нехотение, но цыгане редко возили с собой богатства, способные выдержать дележку на четыре десятка.

В задумчивости от повисшего на волоске решения Каспар вышел наружу и осмотрел лагерь. Удостоверился, что часовые назначены, что лошади заведены в стойла и получили корм. Заглянул в пустую Паласарову кибитку. Кроме большого, обитого железными полосами сундука, в ней было несколько мешков сена, корзина овса, несколько покрывал и утварь, которой Паласар думал пользоваться в походе. Самого Паласара нигде не было. Каспар вернулся к Марку, но среди солдат его тоже не было.

«Уж не у цыган ли он в самом деле», – подумал Каспар, когда на пороге появился Паласар и жестом поманил его к себе.

– Я поговорил с бароном Лачо, – начал Паласар, снаружи затворяя за ними тяжелую дверь залы. – Он шлет тебе сердечный привет, изъявление покорности и просит дозволения остаться здесь до рассвета со своими людьми.

– А если привязать одну половину Лачо к одной лошади, а другую половину к другой...

– То ты все равно ничего не изменишь в этом мире, – урезонил его горячность Паласар. – Насчет позволения можешь не утруждаться. Я уже разрешил Лачо оставаться здесь со своим племенем сколько они пожелают. И не надо делать на меня такое лицо. Я плачу тебе, чтобы ты защищал меня от моих врагов, а не от моих друзей. Тебя удивляет, что я вожу дружбу с цыганами? Передай людям, что боини сегодня не будет, а потом поведай, почему ты так ненавидишь их племя.

– Их все ненавидят. Курфюрст издал закон, приговаривающий всех цыган без различия пола и возраста к смерти. Просто к смерти – это не самый суровый закон в здешних местах. Есть княжества, где цыган, если поймают...

– Я слышал про драконовские законы против их племени, но ты бы не стал отдавать должное закону, который не отвечает чему-то в глубине твоей души. Этот закон вызывает к жизни какую-то давно похороненную ненависть. Верно?

На это Каспар промолчал.

– Здесь становится холодно, – добавил Паласар, чтобы прервать затянувшееся молчание, и в доказательство дунул паром Каспару в лицо, но Каспар ушел в свои мысли, и не стоило вырывать его в мир раньше времени. – Вернемся, поедем как следует. Там оно и забудется.

Каспар молча согласился.

– Не выгорело дельцо, – ухмыльнулся Дамис, видя возвращающегося к их столу мрачного Каспара, за которым невозмутимо плыл, возвышаясь на добрую голову, Паласар. – Как я и говорил, у них он был. Все они одного поля ягоды.

– Напьемся и выспимся. Большого не надо, – отвечал захмелевший Петерфинн.

– Судя по вашему виду, вы сполна обсудили наших беспокойных соседей, – повел речь Дамис, когда Каспар с Паласаром уселись за стол. – Замечу, что история трепетной нелюбви нашего товарища к цыганам имеет давние корни.

– Нет никакой истории, – перебил десятника Каспар. – У меня был старший брат, который умер от чумы. Я был слишком мал, чтобы узнать, что мой брат – умер. Я был из хорошей семьи. Моя мать сказала, что его забрали цыгане, потому что он плохо себя вел. Вот и все.

– И с тех пор ты плохо себя ведешь, чтобы пришли цыгане, и ты смог отомстить им за брата, хотя давно знаешь правду? – подвел черту под короткой и бессмысленной историей ненависти Паласар.

Дамис усмехнулся, Петерфинн из вежливости пьяно хрюкнул, потому что решил, что пропустил умную шутку.

– Люди – поразительные существа. Тайники душ не перестают меня удивлять. Надеюсь, когда-нибудь ты снимешь с себя тяжкий груз этого заклятия, – добавил Паласар.

– Ко времени ты вспомнил про тайны, – сменил неприятную тему Каспар. – Расскажи-ка, куда наша замечательная дружина ведет столь примечательного чужеземца?

– В замок, – ответил Паласар.

– Какой, чей?

– Не время знать, какой и чей. Пока и этого довольно.

– Но как я буду выбирать дорогу, если не знаю, куда мы идем?

– А ты не будешь выбирать дорогу, Каспар. Никто из вас не будет.

– Ты, стало быть, знаком с окрестными дорогами лучше нас?

– Этого я не говорил. Мы не выбираем дорогу, дорога выберет нас.

– Софистика не поможет тебе завтра. Я буду следовать за тобой целую неделю, хотя бы тебе взбрело в голову ходить кругом вокруг двора Одноглазого Марка. Это я обещал. За своих людей я не ручаюсь.

– Отчего ж, – встрял Дамис, видя, что Паласар медлит с ответом. – Если любезному сейиду угодно, мы с удовольствием походим кругами. За хождение кругами редко так хорошо платят. Походить кругами неделю, чтобы получить вторую половину награды, – мы с этим справимся!

– Вот видишь, – Паласар показал на Дамиса. – Они не против.

– Пора выметаться из-за стола, – сказал Каспар. Дамису он указал на Петерфинна и приказал: – Веди его в комнату. Я соберу людей. Часть отправлю спать на конюшню. Цыгане и наши полдюжины лошадей – у меня от этого совпадения нехорошие мысли. Ты будешь спать?..

– В комнате, – ответил Паласар на незаконченный вопрос. – Еще будет возможность поломать бока о доски и исколоться о солому.

Говорят, что дьявол мертв и зарыт в Киларни!

Говорят, что он воскрес, у бриттов служит в армии!

Донеслась с лестницы одна из застольных песен Петерфинна, потом послышался грохот, лязг и ругань на нескольких языках. Дамис не справился с пьяным товарищем, и они вдвоем повалились в проходе вместе с оружием.

– Что разлегся? Поднимай живот, обормот! – раздался окрик Петерфинна, который хмельной ловкостью оказался на ногах раньше Дамиса. – У жены мохнатая штучка, мохнатая штучка, мохнатая штучка... – Затихающее пение донеслось из глубины комнат второго этажа.

– Мохнатая штучка! Показала мне ее в воскресенье. В понедельник вернет скорняку! – против воли закончил куплет Каспар, слышавший эту ирландскую песню сто и один раз.

Солдаты зашевелились и стали разбредаться по лавкам и углам. Каспар поймал несколько более пьяных и кого отволол, кого пинками прогнал спать на конюшню. Теперь, как будто, все было готово для ночлега. Каспар взял у Марка шерстяное покрывало и сказал тушить свечи. Он улегся на пол рядом с печью и подумал над прошедшим днем. Если не считать цыган, день прошел спокойно.

Входная дверь в темноте то и дело отворялась, отчего по лицу пробегал легкий ветерок. Это солдаты бегали мочиться с пива. Каспару казалось, что прикосновение сквозняка он ощущает не кожей, а, как кот, бровями. Приглушенные голоса солдат не давали заснуть. Люди

ворочались, задевали в темноте вещи и друг друга. Кожаные ремни, кольчуги, ножны, доспехи, застежки, лавки: все скрипело и лязгало. Но скоро люди угомонились, звуки стихли, и из ленивой дремы Каспар отошел к настоящему крепкому сну.

Проснулся он рано, когда первые солдаты очнулись ото сна и потянулись на улицу сливать то, что не было слито вечером. Можно было еще поспать, но на душе стало тревожно за лошадей, и Каспар поднялся проверить. На конюшне все было цело. Солдаты почти все на месте, точно их можно будет сосчитать только во время сборов. В кибитке Паласара тоже все в порядке. Баркарна – огромных размеров молчаливый вояка – мирно спит на соломе, привалившись к таинственному сундуку. Отправить его сюда было светлой мыслью Вильямсона. Никому не захочется проверять, крепко ли спит человек с топором в руках и крепко ли заперт сундук, привалившись к которому он спит.

Взглянув на табор, Каспар увидел, что цыгане кончают запрягать повозки. Если бы не фырчание и храп лошадей, их сборы были бы бесшумными. Со стороны табора шел Паласар. Каспар обратил внимание, что теперь, на свету, он на самом деле выглядит моложе, чем казался в полутемных харчевнях постоянных дворов.

– Недоброе утро, – произнес Паласар, подойдя к своей кибитке.

– Мы обычно говорим доброе утро, – поздоровался Каспар.

– Да, но оно в самом деле недоброе! Не для этих бедняг.

– Меня не касаются их заботы, если они не касаются нас.

– Боюсь, касаются. Лачо, их барон, я рассказывал о нем вечером, говорит, что в лесу дьявол.

– Дьявол? Вот прямо с рогами и копытами? – шутливо переспросил Каспар.

– Бэнга. Вэшитко бэнга, что на их языке означает лесной дьявол, хотя какое представление имеют цыгане, говоря о дьяволе, для меня скрыто. Не думаю, что тот твой с рогами и, как ты говоришь, с копытами. У них была женщина, мудрая женщина, сведущая в Искусстве. Она сказала, что в лесу живет дьявол, и отправилась в лес, чтобы учиться у него. Но третьего дня ее нет, они думают, что дьявол убил ее, и им опасно ждать. Ночью ее ученица гадала на ее смерть. Она разрешила курицу, но когда она просила дьявола отпустить ту женщину, выпотрошенная курица ожила. Теперь они боятся и уходят. Пойдут за Хундретвассер, подальше от этих мест.

– Разрезанная курица ожила! Какая редкость. Они что, никогда не режут кур? – отмахнулся от предостережения Каспар.

– Она кое-что знает, ученица, о том, про что говорит. Я могу свидетельствовать об этом. – Паласар посмотрел на Каспара со снисходительной менторской улыбкой и вытащил из-под плаща мешок. – Не хотелось выпускать ее раньше времени. – Улыбка Паласара стала печальной, и он перевернул мешок, из которого выпала перемазанная кровью курица.

У нее не было ни головы, ни ног, но крылья продолжали биться, пытаясь поднять безголовое тело.

– О боже! – воскликнул Каспар, присев рядом с птицей. – У нее же нет внутренностей и головы! Сколько она провела в мешке?

– Ее закололи в полночь, – сообщил Паласар. – Ты, видно, зарезал немало кур. Может, ты можешь это объяснить? Цыгане ждали, что колдовство растает с первыми лучами солнца, но курица жива. Тогда они позвали меня, но я мало смог им помочь. Я не ведаю тайн их колдовства. Жертва не была принята, и это предупреждение всем нам – мне ясно не более этого.

– Здесь уже нечего проткнуть или разрезать. Это кусок мяса. – Каспар достал нож и пригвоздил им тушку к земле, но крылья не переставали беспомощно биться. – Никогда не видел ничего подобного.

– Вечно такая беда с вами: вы такие самоуверенные, смелые, всезнающие, но покажи вам безголовую курицу, и куда эта бравада пропадает? Куда девается? Сейчас ты в замешательстве,

но пройдет полдня, и ты будешь говорить об этом как о незначительном. Тебе пора собирать людей.

– А что делать с курицей? Закопаем ее, – предложил Каспар.

– Если бы я хотел от нее избавиться, то не забрал бы у цыган, – не согласился Паласар. Курица была ему нужна. – Если вокруг нас сильная магия, то эта курица поможет нам следить за ней. Как движение воды в запертой трубке предсказывает непогоду, поведение курицы поможет мне видеть, что творится вокруг. Я оставлю ее. Нам нужно торопиться.

Перед дверью Одноглазого Марка начали собираться солдаты. Каспар отправился к ним и приказал седлать лошадей и запрягать повозку. Привычная работа отвлекла его от тайны цыганского гадания.

Скоро все были построены в походный порядок: тридцать девять человек, Каспар и Паласар.

– Теперь нам нужно направление, – потребовал Каспар, подъехав к Паласару, сидящему в кибитке на месте возницы.

– Туда – указал Паласар в сторону леса, повертев в руках небольшой стеклянный шар.

Его наниматель выглядел тревожно, и это напомнило Каспару о необычных обстоятельствах сегодняшнего утра.

– Там нет дороги, – заупрямился Каспар. – Это поле, а за ним непроходимый лес.

– Я вижу примятую колею прямо у нас под ногами.

– Это не дорога. Это кто-то вез сено с покоса, – Каспар не был уверен насчет сена, но на то, что тут не было дороги, он был готов поставить весь свой заработок.

– Но моя повозка тут пройдет.

– А что дальше? – не понимал Каспар. – Это не дорога. Какой-то крестьянин или сам Марк проехал ночью срубить себе леса. – Идея с лесом выглядела более убедительно, чем сенокос. – В самый лес она не ведет. Марк сказал бы мне, если бы тут был путь куда-то да чьи-то замки.

– Посмотрим, – равнодушно ответил Паласар, понимая, что Каспар, может, и силен в убеждениях, но под тяжестью дубовой упрямоти в конце концов уступит.

– Хорошо. Ты же заплатил за наше время.

Отправив десять человек под началом Петерфинна вперед, Каспар расположил свой десяток с двух боков кибитки, отряд Дамиса должен двигаться сзади, а еще в ста шагах позади замыкали караван десять Вильямсона. Повозка медленно покачивалась на кочках, оставляя в топкой земле глубокие следы. Вскоре Петерфинн, далеко оторвавшийся от Каспара, достиг леса. От него вернулся гонец, передавший, что нашли дорогу в лес. Каспару, который ждал других известий, пришлось смириться с тем, что продвижение грозит затянуться, и они не будут ходить кругами вокруг двора Одноглазого Марка. Гордость Каспара была уязвлена второй раз утро, но только крохотным уколом. Он был готов сменить тон и принять правоту Паласара. Не всегда же оказываться правым. Главное, чтобы Паласар не стал язвить, но алхимик был мудр и не стал.

– Четверо пусть разведывают лес, но недалеко, на двести шагов. Передай! – Каспар отослал гонца обратно, и караван пополз следом.

– Тропа, – произнес Каспар, когда караван подошел к опушке и соединился с отрядом Петерфинна. – Она ведет куда тебе надо? – спросил он у восседающего на месте возницы Паласара.

– Будем уповать, – с фатализмом, к которому окружающие начали привыкать, ответил Паласар. – Другой тропы окрест я не вижу, а эта тропа проторена, как для нас.

*Цыганка с картами,
Тропа тореная,*

*Стезя исходжая,
Сырой чертог.
Быть может, черная
Темница княжия
Младого витязя
Наново ждет.*

Затянул Петерфинн что-то тоскливое.

– Много он знает этих песен? – вполголоса спросил Паласар.

– О, тысячи! – поделился печалью Каспар. – У вальхов или, как они себя называют, кельтов он был бардом, музыкантишкой навроде северных скальдов.

– Песнопевец? – с грустью уточнил Паласар. Каспар почувствовал, что наконец нашелся предмет, дарующий ему с чужеземцем согласие сердец.

– И былиносказитель, – со всей возможной скорбью присовокупил Каспар. – Он читает наизусть Беовульфа, Нибелунгов, Сноррову Эдду и без счета песен про сидов и гаэлов. Только его лучше об этом не спрашивай, потом не заткнешь. Но давно уж старина Петерфинн променял арфу на кольчугу и теперь пробивает сердца не метким словом, а острым мечом.

– Выбрал достойное занятие, стал человеком, но не избавился от старых привычек, – удрученно закончил Паласар. – Хотя я и сам был известен как рассказчик историй, но тут совсем другая материя!

– Именно, – согласился Каспар, после чего отъехал к герою разговора: – Дорога проходима? – спросил он у песнопевца и былиносказителя.

– На первые двести шагов, – доложил со слов разведчиков Петерфинн, и Каспар приказал заходить в лес.

Среди деревьев пришлось принять строй плотнее. Дорога петляла. Чтобы не теряться из виду, отрядам спереди и сзади пришлось подойти вплотную к повозке. Кроме того, дорога была узкой. Рядом с повозкой мог идти только пеший, конный же рисковал в любой момент наткнуться на ветку и оказаться на земле. Пришлось отрядам вытянуться в колонну. Вначале лес был редок, но они продолжали спускаться с гор, и чем дальше они шли, тем плотнее становился строй деревьев.

Когда минул полдень, кроны сомкнулись над тропой, и в лесу стало мрачно и беспросветно, как в сумерках. Колеса стали чаще наезжать на корни деревьев, отчего Паласара качало на облучке. Двигались медленно, но без остановок. К вечеру лес стал странен. На ветках деревьев солдаты замечали зеленые почки, а на земле, где не было даже травы, росли одинокие цветки. То ли ветер так искусно качал цветы, то ли обман зрения преследовал людей, но многим казалось, что их куцые головки поворачиваются вслед за идущими.

– Мне кажется, что цветы следят за нами, – пожаловался Петерфинн, когда караван остановился на ночлег.

– Покажи, которые из них следят за тобой, и я буду рубить им головы, по одной за грош, – предложил Дамис.

– Тогда уж померимся силами, кто из нас больше одолеет! – не принял такую сделку Петерфинн.

Несмотря на шутки, тревога в отряде нарастала. Странности леса, цыгане, неизвестность маршрута не поднимали духа. Не дожидаясь захода солнца, Каспар скомандовал остановку на ночлег.

Конные спешили. Солдаты развели костры и стали готовить еду. Ответственные за лошадей начали распаривать в котле овес. Того мха, что можно было найти на полянах, не достало бы и одной лошади.

Все время приготовлений Паласар провозился в кибитке с курицей, но когда поспела еда, он, так ничего путного от нее не добившись, вышел и подсел к костру Каспара и десятников. Он взял круглый край черствого хлеба, как на тарелку, покидал на него куски мяса из котелка с непонятной похлебкой, которую сварили наемники, и стал пытаться жевать крупные куски мяса, временами отламывая от края куски хлеба, чтобы ими протолкнуть жесткие комки волокон в горло.

– Послушай, – обратился Дамис к Паласару, – мы все: я, Вильямсон, Петерфинн нанялись к тебе, но ты всем отказал и выбрал Каспара. Почему?

– Я отвечу, только мой ответ будет правдив и поэтому не придется по душе каждому, – предупредил Паласар.

– Мы же не против правды, друзья? – не смутился Дамис. – Мы иногда бываем против того, кто, когда, кому и в какой форме ее излагает, но не против самой правды как, так сказать, высокой идеи тонкой материи. Можешь говорить и ничего не стесняться.

– Я отказал Вильямсону, потому что он слишком труслив. Если бы я взял отряд с ним во главе, то мне потребовался бы второй отряд, чтобы охранять первый. Я отказал Дамису, потому что он слишком зол и жаден. Если бы я шел с отрядом с ним во главе, то мне потребовался бы второй отряд, чтобы охранять меня от первого. Петерфинну я отказал, потому что он слишком много врет и сочиняет. Если бы я шел в его отряде, то мне потребовался бы второй, чтобы видеть свет и знать, куда идти. А потом мне было знамение, что вести меня должен некто Каспар, и я стал дожидаться его возвращения.

– Что за знамение? – спросил Дамис.

– Звезды подсказали, – соврал Паласар.

– И что ж это за звезды? – упорствовал Дамис.

– А ты поймешь мой ответ? – не уступал Паласар.

– А чего ж нет?

– А чему ж нынче равен параллакс субсолярной эклиптики Альдебарана? – ввернул Паласар. – А коли не знаешь, то что тебе до звезд!

– Уел! – признал поражение Дамис, поняв, что если Паласар захочет, то в вопросах наблюдения звезд обведет его вокруг пальца.

Вильямсон выслушал свою отповедь спокойно, но уличенный Петерфинн в гневе вскочил на ноги, как только Дамис закончил свой разговор.

– Это ложь! Я не лгал тебе! – набросился он на Паласара.

Повисло короткое молчание. Паласар раздумывал, что следует ответить. Разбить ли Петерфинна с помощью неопровержимых доказательств из его собственных реплик. Так можно нажать врага. Или сгладить «форму изложения» правды. Смех, которым наемники встретили защиту Петерфинна, избавил Паласара от выбора. Он попал в точку, и никаких доказательств не требовалось. Под общий хохот ирландца усадили обратно. Стараясь перекрыть спадающий смех, Дамис пытался привлечь к себе внимание:

– Нет, нет, послушайте! Конечно, он много сочиняет. Но при этом не все, что сочиняет брат Петерфинн, настолько вранье, как полное вранье. Вот один раз, вернувшись из какой-то сомнительной авантюры, он рассказал, что на обратном пути повстречал заколдованный замок, который охранял тролль, который заставлял всех путников играть с ним в шахматы. Тех, кто проигрывал, он, тролль то есть, а не Петерфинн, сжирал, разумеется. Наш герой обыграл его, отчего бедняга так ошалел, что задохнулся и умер, проглотив собственный язык. В замке Петерфинн нашел и ублажил ни много ни мало сорок прекрасных девственниц. Я решил, что это обычные выдумки, не стоящие и кружки эля, но через неделю до меня дошел слух, что на женский монастырь, что днях в нескольких не таких уж многих от перевала, епископ наложил епитимью за то, что какой-то бродяга за игрой в кости подпоил вратников сонным зельем и сорок не сорок, но, видно, от души пожеребил... Сведения о приметах бродяги...

– Это вышло случайно! Я уже покаялся в этом! – подорвался на защиту своей чести Петерфинн.

– Мне-то что. Я просто рассказываю.

– Дьявол завладевает душой на время, а Бог живет в ней вечно!

– Пускай, мне-то что. Я историю рассказал.

– Отступник!

– Трепло!

– Антихрист!

– Враль!

– Гори в аду!

– Зашей рот!

– Тысяча чертей!

– И что?

– Тебе в грызло!

– Кукарекало законопать!

Паласар выслушал перебранку, нашел ее милой и отложил в памяти для будущих времен. Приятно поежась от вечернего холодка, алхимик протянул ноги вплотную к костру. Он казался вполне умиротворенным, хотя забавное словечко «кукарекало» навело его мысли на бедную куру, что ни жива, ни мертва валялась в его мешке в повозке.

– Знатная обувка, – похвалил сапоги Паласара Вильямсон, когда остальные затихли.

– Да, редкость. Сшиты царским сапожником в Киренах из самой необыкновенной кожи на свете. Какой год ношу без сноса.

– Должно быть, это крокодил или бегемот? – предположил Вильямсон, на что Петерфинн неприлично фыркнул.

– У бегемотов нет чешуи, – влез Каспар. – Для змей эта чешуя слишком большая. Это крокодил. Однажды я ходил в караване купца, у которого были крокодиловые перчатки вточь как эти.

– Сказать по правде, – улыбнулся Паласар, – это – дракон. Мои сапоги из шкуры дракона.

– А ты не думал, что тебя надули? – усмехнулся Каспар.

– Зачем меня надувать? – Паласар опять улыбнулся, думая про себя, когда же всюду лезущее всезнание Каспара насытится унижением своего хозяина. – Я сам видел, как плоть чудовища сдирают с остова, как вырезают зубы и когти, как пилят и дробят кости, как вертят в мотки двужильные связки, как собирают в прозрачные сосуды желчь, соки и черную кровь, как запечатывают в кувшины драгоценные органы, как оборачивают в шелка глаза с бездонными щелями. А уж кожи у нас тогда было столько, что достало бы на шатер для ста человек, и никто не ушел без доброго куска. Мой сапожник не стал бы менять ее на крокодила и рисковать головой ради мелкой наживы.

– Ты видел, видел... как убивали... дракона? – Петерфинн с трудом слотнул. Его глаза вылезли из орбит. Он ни на миг не усомнился в правдивости Паласара. Для старого барда дракон отличался от крокодила главным образом размером, а вот бегемот был несусветной выдумкой сказочных болтунов, в которую человек, имеющий хоть каплю рассудка, никогда не смог бы поверить.

– Нет, конечно! Как убивают живого дракона, я не видел. Хотя почему конечно? – задумался Паласар. – Я достаточно посмотрелся на него живого, а потом на мертвого. Но убит он был в тишине своего убежища глубоко в пустыне, куда не смела ступить нога смертного, пока чудище было живо.

– Драконы бессмертны. Они могут спать веками в своих пещерах, охраняя сокровища. Какому же герою под силу убить страшнейшее из порождений дьявола? – Петерфинн оправился от удивления, вначале сразившего его, как удар молнии. Сейчас и он вслед за Каспаром

почувствовал, что у него есть что-то общее с отстраненным чужеземцем. В кои-то веки кто-то, а не он, рассказывает про драконов.

– Кому под силу? Да всякому, кто умеет, под силу. Наш герой носил имя Тед Карвер. Имя вроде саксонское. – Паласар поймал взгляд заерзавшего в предвкушении Вильямсона, но отрицательно покачал головой. – Он был родом не с вашего острова.

– И ты видел его? Карвера?

– Да я знал его! И без обмана заверю, что знал с разных сторон. Иногда думаю, что лучше бы не знал.

Паласар положил ногу в костер, пятка погрузилась в самые жаркие угли, но Паласар не показывал не малейшего признака боли, которая должна была жечь его во время добровольной пытки.

– Шкуре дракона не страшен никакой огонь, – объяснил свой опыт Паласар.

– Что ж, – сдался Каспар, – ты разжег наше любопытство куда лучше, чем этот уголь твою ступню, поэтому расскажи нам про дракона.

– До ночи еще далеко, я могу открыть вам историю, которой отчасти сам был свидетелем. За правдивость ее я, однако, головой не ручаюсь. Память людская порой и с мудрейшими играет странные шутки, а куда уж до них первому архивариусу царской библиотеки Кирен Паласару, сыну Аразха, Арибова рода. – Паласар откашлялся и, взяв подобающий сказителю историй голос, продолжил: – Некоторые говорят, что герой прилетел к нам на железной птице, другие, что вышел из моря. Я расскажу только то, что видел сам и что слышал из его уст.

Глава 2. Охотник

Замечали ли вы, что детство великих героев обычно проходит по одному из двух путей: они, как Геракл и Кухулин, начинают совершать подвиги с неправдоподобно раннего возраста или, напротив, не причастны ни к каким славным делам почти до тридцатилетнего возраста, как, например, Беовульф? Думается, дело тут в том, что хронисты избегают показывать весь путь становления героя, чтобы никому не вздумалось повторить его.

Теда легко отнести к тем героям, кто пребывал в безвестности до зрелых лет, поскольку о его ранних годах ни нам, да и никому во всем свете, кроме него самого, ровным счетом ничего не известно. Как он появился в наших землях? Никто не знает. Он просто появился и притом в самое нужное время. Знаем мы лишь то, что его нашла на берегу семья рыбака. Тогда стояла безлунная, звездная ночь. Море второй день было беспокойно. Рыбаки услышали лай собаки. Когда хозяин вышел, собака выскочила к нему из темноты и, стукнувшись об ноги, снова юркнула обратно, тихонько скуля и призывая следовать за собой.

Вы спросите, откуда мне известны все эти мельчайшие подробности? Этому есть самое простое объяснение. В то время я служил главным архивариусом, и как только настала нужда записать чудесные деяния героя, моим долгом стало собрать и записать все свидетельства ясно, четко, беспристрастно и без прикрас.

Итак, рыбак пошел за собакой и скоро нашел в темноте того, кто потревожил их сон и сон его пса. На берегу лежал человек, вынесенный на берег штормом. Хозяин кликнул сыновей, вместе они подняли его и принесли в дом. Человек был в сознании, но изможден долгим пребыванием в воде. Его уложили на кровать и напоили водой. Вся семья – отец, мать, взрослые сыновья и дочь – встала у его кровати. Они ждали, что незнакомец заснет, но ему не хотелось спать. Последние дни он провел в воде, что было видно по его коже. Долгое нахождение в воде подкосило его силы, но высыпаться вдосталь в открытом море ему удавалось. Он поднялся с кровати и попросил поесть. Отец сказал дочери, чтобы та накрыла на стол, и, видя, что расшудок гостя в порядке, подступил к нему с вопросами.

Человек представился рыбакам как Тед Карвер и рекомендовал себя странствующим рыцарем. Свое появление на берегу он объяснил страшным кораблекрушением, хотя от подробностей уклонился. Рыцарь был молчалив, недоступен, изъяснялся с трудом и неохотой. Узнав, что гость – рыцарь, рыбак сразу поделился с ним слухами, что в Киренах – так назывался ближайший к их селению город, где ваш слуга Паласар пребывал в те дни, как я уже упоминал, в должности архивариуса, – несколько дней назад объявился дракон.

Тед тут же сопоставил сведения рыбака с числом дней, проведенных им в море, и, подогнав одно к другому, заключил, что это был тот самый дракон, который едва не отправил его на корм рыбам, и надо двигаться в Кирены. Но двигаться было еще рано, ему нужно было восстановить силы.

Утром Тед почувствовал, что еще слаб, чтобы затевать двухдневное путешествие в Кирены. На лошади он добрался бы быстрее, но коней в рыбацких деревнях не держали, а если и были где-то рядом кони, то их уже реквизируют из-за осадного положения, в котором оказался наш город. После завтрака Тед отправился гулять по берегу, набираться сил. За ним увязался хозяйский пес, который отыскал Теда ночью и разбудил хозяев. Не без помощи любопытной собаки Теду удалось отыскать несколько вещей, вынесенных на берег после «кораблекрушения».

Главной находкой был его меч по прозвищу Некотимор. Меч валялся на песке. Удивительно, как он мог здесь оказаться, ведь он должен был затонуть вместе с остальной поклажей. Память рыцаря начала проясняться, как под первыми лучами рассветного солнца оживают сюжеты, выложенные крохотными цветными стеклами витражей. Тед узнал свой меч,

тайна которого была сокрыта даже от него. Знал он лишь то, что Некотимор совсем не то, чем кажется, и при суровом, грозном внешнем виде даже не оружие, а скорее ключ, как Тед называл его при мне неоднократно.

Тед не помнил, чтобы он брал «ключ» с собой, но последний поход начинался в такой сумасшедшей спешке и закончился так плачевно, что он мало что помнил. Он преследовал дракона до наших земель, но потерпел поражение в схватке, и теперь ему пришлось начинать сначала.

Второй ценной находкой, обнаруженной на берегу, была маска. Тут я вынужден использовать слова, значения которых мне не до конца ясны. Маска, которую Тед называл кислородной, держала запас чистого воздуха, что, я полагаю, призвано защищать рыцарей от пагубного воздействия дыма и серного дыхания чудища.

Хотя на берегу ничего не нашлось, кроме этих двух предметов, Тед располагал еще кое-чем: снарядом от авиационной пушки и ножом. Нож все время висел на поясе, а снаряд лежал в кармане его штанов. Что представляет из себя так называемый снаряд? Я полагаю из его объяснений, что это концентрированный греческий огонь, обличенный в форму небольшого железного цилиндра размером с ладонь. С этим скудным арсеналом Теду предстояло бросить вызов самому большому бедствию, что обрушилось на наш почти беззащитный город.

Рыбак пытался удержать своего гостя от путешествия в Кирены. Дракон сюда не навывался, и рыбак надеялся, что безмятежные дни, проведенные в семье, поймут гостя в сети привычки, а потом рыцаря, который с виду не лентяй и крепкий парень, можно занять работой, а там, глядишь, между ним и дочкой вспыхнет чувственная искра. Мужичья смекалка рисовала рыбаку неплохие выгоды этого брака.

К счастью для нашего города, Тед не оправдал этих надежд: он был беспокоен в праздности, к работе чувствовал отвращение и почти ни разу не взглянул на невесту. Под конец он заявил отцу, что он солдат, а не рыбак, и оставаться с ними больше не может. Рыбак расстроился, но не обиделся, ведь настоящий странствующий рыцарь не мог быть другого нрава. Уходя, Тед уговорил рыбака отпустить с собой собаку. «Забирай ее, – сказал хозяин, – пусть хоть кто-то за тобой присмотрит». С ней Тед покинул бедный, но гостеприимный дом.

Первый день пути прошел без происшествий. По дороге Теду попало несколько деревень. Он проходил через них, ни с кем не заговаривая. Вечером он сошел с большака и устроился на ночлег в роще. У него было немного еды, которую дал рыбак. Он съел ее, оставив немного собаке. На завтра ничего не осталось, но на следующий день Тед рассчитывал добраться до Кирен.

Ночь выдалась не такой спокойной, как день. Теда разбудил лай. Пес вел себя беспокойно и, рыча, недвусмысленно указывал на угрозу, притаившуюся за деревьями

– Что там? – спросил Тед, подозревая собаку. – Я ничего не слышу, а ты?

Пес обернулся вокруг себя, ударился Теду в ноги и заскулил. В деревьях раздался шорох. Пес залаял.

– Теперь слышу. Взять его!

Тед не знал, послушает ли его собака, но пес кинулся к деревьям, Тед побежал за ним. Раздался человеческий вздох, звуки возни, рычание, потом собака жалобно заскулила. Тед добрался до деревьев и увидел лежавшего на земле человека с ножом в руке. Тед занес над ним меч. Ловкости в обращении с мечом ему не доставало, но в некоторых случаях меч хорош и сам по себе: если он есть у тебя, но его нет у врага, то не так важно, хорошо ли ты с ним управляешься.

– Нет, не убивайте, прошу, – человек бросил нож и обхватил руками колени Теда. – Не убивайте. Не убивайте, – запросил он пощады.

Этого бродягу мне тоже удалось разыскать. Даже ходить далеко не пришлось, ведь к тому времени он коротал последние часы жизни, дожидаясь казни в царских казематах, на которую он был осужден по нашему закону о бродяжничестве.

– Что ты тут делаешь? Хотел ограбить меня? – спросил у него Тед.

– Простите, простите, – бродяга стал биться лбом о сапоги Теда. – Я заблудился и искал что-нибудь поесть. А потом ваша собака... Я не делал ничего плохого.

– Пойдем! – Тед подхватил пленника за ворот и отволок к стоянке. Заколотую собаку он оставил – пользы от нее больше не было.

Тед связал пленника и, не обращая внимания на его робкие протесты, продолжил сон. Утром он подробно расспросил незваного гостя. Тот рассказал, что бежал из Кирен. У него были самые свежие сведения из города. По его словам, там творился кошмар. Каждую ночь на город нападал дракон. Он разрушал и сжигал дома. Люди в панике побежали из города, но чтобы предотвратить бегство, царь приказал закрыть городские ворота, ввести военное положение, под страхом смерти запрещавшее выходить за ворота, и считать город осажденным.

Из дальнейшего рассказа пленника Тед узнал, что в городе никто не чувствует себя в безопасности, только те, кого по чину пускают в цитадель, могут без опаски отправляться на ночной покой. Царь усилил патрулирование улиц, чтобы не было паники. Солдаты день и ночь строят баллисты и стрелометы, которые ставят на высоких башнях, но дракону от них нет никакого урона. Люди пытаются тайно, часто за огромные взятки, выбраться из города. Специальные патрули ловят бежавших за пределами города. Беглецам приходится скрываться. Новости из города почти не проходят. Таковы были главные факты, которые Теду удалось вычленивать из сбивчивого рассказа киренского беженца. Слухи, ходившие среди рыбаков, подтвердились.

– Я тебе дам один совет, – сказал Тед пленнику. – Иди по этой дороге, никуда не сворачивая. К вечеру ты выйдешь к морю. На берегу найди дом с синей крышей, перед которым стоит старая лодка с обломанной мачтой и до ватерлинии ушедшая в песок. В этом доме живет семья, лишние руки им сейчас не помешают, скажи им, что я тебя послал.

– А если они не поверят?

– Отнеси им собаку, тогда они точно поверят тебе.

«Однако хорошо, что я отдал рыцарю пса, а не свою дочь», – подумал отец, когда беженец вернул ему мертвую собаку. Однако, как показывает печальный конец этого бродяги, надолго он с ними не задержался.

Второй день принес Теду больше хлопот. Он несколько раз наткнулся на патрули, о которых рассказывал ночной гость. Со стражей Тед справлялся легко. Киренские стражи испытывали благоговейный трепет перед рыцарями. Стоило Теду заикнуться, что он странствующий рыцарь, и показать украшенный черным серебром меч, как его учтиво пропускали, провозжая подобострастными взглядами. Если бы Тед шел в другом направлении, стража доставила бы ему больше неприятностей, но он двигался по направлению к Киренам и не вызывал подозрений.

Его без затруднений пропустили и через городские ворота. Страж спросил его имя и род занятий, таможенный чиновник записал их в журнал, и Теда пустили в город, ни единым словом не намекнув, что обратно ему не выйти.

Вокруг него выросли бесконечные стены домов старого города. Наш старый город был тогда огромен и невероятно сложен. Тед битый час блуждал в хитросплетении городских улиц, пытаясь найти дорогу к цитадели. Еда у Теда закончилась еще с вечера, но разжиться новой оказалось нелегко. Лавок не было, найти рынок он не смог, хотя в тот день наш рынок вовсе не работал, потому что царь запретил торговлю и реквизирует провизию.

Тед без усталости бродил по улицам, сначала стараясь держать направление по солнцу, положение которого в узких переулках угадывал по теням, поочередно следуя правилам левой

и правой руки. С наступлением сумерек и без того немногочисленный люд окончательно попрятался по домам, и сложная задача поиска цитадели превратилась в очень сложную, но Тед продолжал двигаться, поворачивать, наткаться на тупики, возвращаться и поворачивать в другую сторону.

С наступлением темноты город подвергся очередному нападению дракона. Земля дрогнула у Теда под ногами, когда дракон, ударившись могучей грудью в древнюю каменную кладку, разбил и опрокинул самую высокую башню внутреннего форта, окружавшего цитадель. На крыше башни стояло пять новых стрелометов, это, насколько я могу судить, был на тот момент сильнейший огневой рубеж Кирен. Разделавшись с ним, дракон сделал устрашающий круг над городом, пустил несколько случайных огненных струй вдоль улиц и скрылся во тьме. В такой истошающей манере чудовище терзало наш город уже неделю кряду.

Нападение происходило далеко от Теда. Он даже краем глаза не заметил самого дракона, обо всем происходящем ему рассказали высыпавшие на улицы жители. Люди выходили на улицу, высовывались из окон, а жители, смотревшие с крыш, точно ему указали место, куда ударил дракон, и Тед отправился туда.

Ближе к пострадавшим кварталам в улицы потянуло дымом, на пути стали встречаться погорельцы. Некоторые спокойные: хладнокровные стойки или полностью раздавленные несчастьем, те и другие тихими тенями брели куда-то подальше от пожаров. Прочие же не сохранили присутствие духа, они кого-то искали, звали, плакали, бежали, ломали в театральных жестах руки. Дракон улетел, но они еще не поняли этого и продолжали спасаться, стараясь одновременно с этим что-то решить или совершить. Ничего, кроме суеты, из этого не выходило.

Тед не мог им помочь и в молчаливом равнодушии проходил мимо. Людей становилось все больше, и дым сильнее застилал улицу. Тед увидел край пожарища. Горела целая улица: десятки домов уже выгорели до стен, не меньшее число продолжало гореть или заниматься. Очаги пожара не тушили. Пытались спасти от огня уцелевшие дома, поливая их водой. Отовсюду слышался женский и детский плач. Кругом Тед видел закопченные смуглые лица. Пот и слезы растворяли сажу и разукрашивали лица, отчего зрелище походило на фантасмагорию или какой-то странный, посвященный смерти карнавал. Самые страшные маски были лицами, разодранными до костей или разбитыми о мостовую, лицами, изведенными гримасами боли, скорби, кровью и ожогами. Достоинство уважения, что и посреди чудовищного маскарада оставалось немало людей, которые пытались остановить огонь. Они действовали неорганизованно, стихийно, но разобщенные усилия не пропадали даром: огонь не распространялся.

Пришло время нашему герою совершить свой первый подвиг и спасти из пожара детей. Не без помощи своего найденного на берегу снаряжения он вынес из горящего дома девочку. Об этом славном подвиге придворный певец впоследствии сложил героическую песнь, отличавшуюся такой бездарностью, что песнь, в отличие от подвига, давно забылась.

Поход в огонь дался герою тяжело. Несколько минут Тед лежал на дороге. Он беспрестанно моргал, разгоняя мутные красные пятна, закрывшие ему зрение. Тогда он почти не отличался от других жертв пожара. Кто-то поднес ему миску с водой умыться. Когда он встал, то увидел, что дом, из которого он вынес девочку, обвалился и догорает.

Люди исчезали с улиц. Искавшие ночлег стучались в незнакомые дома, и никто не отказывал в приюте, если в доме еще оставалось хоть немного места. Тед не искал приюта, он без цели и без усталости слонялся в одиночестве по каменному лабиринту, пока не наткнулся на наш конный разъезд. Трое верховых в легких доспехах были вооружены мечами и щитами на случай мародерства, но держали в руках длинные палки, более пригодные для пресечения мелких уличных беспорядков.

– Эй, это не про тебя говорят, будто ты спас человека из горящего дома? – окликнул Теда конник, которого я потом дотошно расспросил об этой встрече.

– Да, это я, – ответил ему Тед.

– Храбро, но глупо, – сказал дозорный и, подскакав ближе, спросил: – Не ты ли тот рыцарь, что пришел к нам с побережья?

– И это тоже я, – подтвердил Тед.

– Дважды храбро, но глупо, – подметил наш дозорный. – Однако сейчас мы отчаянно нуждаемся в таких людях. Идем с нами. У нас есть еда и ночлег.

Стражник освободил одно стремя, и Тед, опираясь на него, легко вскочил на лошадь позади дозорного. Караул ездил на легких и плоских седлах, на которых легко устроиться вдвоем. Второе место предназначалось для подвергнутых аресту. Их обычно перекидывали через седло, как тюки.

Сдается мне, среди нашей компании немало людей испробовали на себе такой способ передвижения! – Паласар усмехнулся, обведя взглядом свой отряд. – Скоро разъезд вернулся в цитадель, – продолжил он. – Во дворе у конюшен они встретили Селима – нашего начальника стражи. Стражник, который привез Теда, доложил о происшествии. Выслушав рассказ, Селим приказал разъезду возвращаться в город, а Теду сказал пройти в казармы. По дороге он устроил Теду беглый допрос. Тед держался истории, в которой он был странствующим рыцарем и чудом спасся в кораблекрушении. Он настолько хорошо вообразил себе эту историю, что сам начинал верить в нее, хотя так и не открытая мной правда была, как я могу судить, несколько иной.

Начальник стражи прохладно воспринял заверение Теда разобраться с драконом, в ответ он лишь сухо поинтересовался, как тот собирается это сделать. Ответить Тед не успел, потому что Селима срочно потребовал по какому-то делу нарочный, и он остался в казарме с другими стражниками.

Вскоре за этим у Теда случилась перепалка с одним из наших воинов. Печальным, но ожидаемым итогом которой стала кровавая бойня, в которой погибло трое наших стражей. К счастью, у остальных хватило ума не лезть под горячую руку. Это весьма расстроило Селима, который подумал, не отправить ли ночного задиру на плаху, но Селим не рискнул самолично распорядиться судьбой Теда. Он пошел к царю и на утреннем докладе представил дело Теда в самом невыгодном для него свете, что, надо сказать, произвело на царя необыкновенно приятное впечатление. Царь приказал осыпать Теда всяческими почестями и даже изъявил желание лично увидеть невероятного героя за обедом. Но я смотрю, что публика заскучала, поэтому я, как хороший рассказчик историй, поспешу перейти к более интересной части нашей истории, которая включает повествование о драконе, о том самом, шкура которого пошла на мои сапоги.

Он явился ночью, как многие дни до этого. Наши стрелометы не смогли повредить его шкуру, как и многие дни до этого. Тед находился в цитадели и с первым известием отправился руководить обстрелом, но когда он добрался до башни, руководить было уже нечем. Дракон спалил целую батарею вместе с нашими отважными стрелками.

Храбро пробираясь через обгоревшие тела и не думая о том, что та же участь может постигнуть его, Тед вышел на верхнюю площадку башни, где догорали стрелометные машины. Дракон сидел на стене башни, вцепившись когтями в каменные зубцы. Дальнейшее описано весьма точно, поскольку множество свидетелей наблюдали за происходящим с соседних башен, а место отчаянного сражения было ярко освещено горящими стрелометами.

Герой извлек из ножен свой меч и ударил дракона по когтистой лапе, по той единственной части, которую мог достать мечом со своей позиции. Нам не известно, нанес ли он дракону существенную рану. Сам Тед скромно говорил, что ранить дракона не получилось. Многие свидетели говорят об обратном, хотя достаточного количества крови никто так и не нашел, поэтому если рана и была, то не такая, чтобы навредить дракону.

Моим слушателям, конечно, интересно, что последовало за этим! А было вот что. Дракон, почувствовав удар меча, оторвался от башни и воспарил над ней. Все уже пригото-

лись хоронить героя, обращенного в пепел новой порцией огненного дыхания страшного зверя, но дракон лишь смерил Теда взглядом и умчался в ночь, оставив наш город.

– А где ты был в это время? Ты же был там, но все время говоришь, полагаясь на других наблюдателей, – спросил у Паласара Каспар.

– Мне, как и положено, приходилось оставаться в архиве, глубокие подвалы которого весьма удачно приспособлены не только для хранения ценных книг, диванов и списков, но и самым лучшим образом годились для надежного укрытия вашего покорного слуги.

Как бы то ни было, дракон улетел, и не просто улетел, а был остановлен. Наутро Тед получил от царя вдвое больше почестей и даров, чем в первый раз. Также царь, предвидя решительный перелом, назначил его чрезвычайным диктатором города, и Тед принял командование над всей королевской гвардией для закрепления успеха на следующую ночь.

Увы, все старания, предпринятые для отражения новой атаки огнедышащего чудовища, оказались напрасны. Дракон не прилетел ни на следующую ночь, ни через одну, ни позже. Десять дней кряду мы укрепляли оборону, готовясь к новому нападению, и только на десятый день признали: наш город свободен. Ворота были торжественно открыты. Патрули разосланы в дальние концы царства, чтобы отыскать следы чудовища, а лучше – его логово, потому что Тед был уверен – пока дракон жив, нельзя возвращаться к мирной жизни.

У него были основания так считать. В те времена я не знал об этих основаниях и вместе с другими жителями роптал на то крайнее положение, в котором царский диктатор держал наш город все десять дней. Но пока город не возвращался к мирной жизни, мирная жизнь сама возвращалась в город. Тем, кто слышал историю про Магомеда и гору, это должно быть понятно.

Через несколько дней после того, как ворота были открыты, царь снял с Теда бремя полномочий чрезвычайного диктатора. Был объявлен большой пир в честь победителя дракона, хотя Тед всячески этому – празднику, разумеется, а не утрате полномочий, – противился.

На том пиру, куда я был приглашен по своей высокой должности вместе со множеством других знатных горожан, мне впервые удалось воочию узреть героя. Он был высок, крепок и вышел статью, хотя в лице я не прочитал чего-то особого, кроме усталости и одержимости идеей довести начатое до конца. На пиру Теду был пожалован титул и земли, он выбрал себе жену из представленных ему прекрасных девушек и сочетался браком. А уж выпито и съедено тогда было столько, что я не припомню таких торжеств. Расходные списки, которые прислало мне позже казначейство, заняли целый том, и каких только яств там не было!

К слову, там было втрое больше яств, чем мне довелось увидеть на пиру на праздничных столах, но склонность к известного рода приписывательным фантазиям – это неустранимая язва, как мне отлично известно, всякого казначейства, и я готов отдать руку на отсечение, что проще увидеть ангела, чем честного казначея или банкира. Впрочем, оставим это, ведь мое дело было хранить списки, а не проверять их истинность.

Я не надеялся скоро увидеть нашего героя вновь, ведь под утро, когда я покинул пир, он едва держался на ногах и передвигался лишь с помощью Селима, который и сам был едва ли тверже в своих шагах. Когда кто-нибудь из них окончательно терял равновесие, тут же, как по волшебству, из него извергалась рвота, и спасительная струя словно возвращала их запойный дуумвират обратно в равновесное состояние. Думается, что из присутствующих тут каждый побывал хоть раз в состоянии такого безудержного веселья, и оно не требует дальнейших уточнений. Не стоит забывать и о предстоящих нашему герою тяготах первой брачной ночи!

Каково же было мое удивление, когда на следующее утро... Ну хотя какое там утро, я и сам уснул с восходом солнца. Скажем, что ближе к полудню, когда я уже с трудом разлепил глаза и готовился лично сделать запись о прошедшем празднике в летопись города, ко мне прибежал один из моих писцов и сказал, что Тед Бесстрашный (таким именем его наградили за битву с драконом), повелитель юго-западных земель, пожаловал к нам и требует пред свои

очи самого главного в сем книгохранилище, а самым главным был не кто иной, как ваш покорный слуга, находившийся в то время в должности главного архивариуса.

Я явился к Теду. Он выглядел на удивление бодро и свежо, чем прямо свидетельствовал о своем подлинном героизме, ведь попойка – испытание не менее тяжелое для тела, чем битва, и сколько мы знаем славных людей, которые выжили в жестоких сечах, но не проснулись наутро после тяжелых празднований!

– И чего он хотел? – встрял Каспар, подгоняя неторопливого рассказчика.

– Не спеши, – улыбнулся Паласар. – До полночи еще далеко, и костру гореть еще долго.

Хотел он взглянуть на архив, что было для меня удивительно, ведь никто никогда, за исключением редких проверок, не ходит в архив. В архиве его интересовало все, что у нас есть по драконам и легендам. Я побледнел как полотно, ведь задача была не из простых, а прогневить героя – что может быть страшнее?

Я взял два дня срока. Все мои писцы и служки с ног сбились, копошась в книгах, томах, свитках и списках. К концу срока все они были покрыты пылью, как рудокопы, многие неосторожные, кто работал без повязок на лице, слегли с легочными болезнями, кое-кто даже умер, но я с достоинством выполнил поставленную задачу!

К возвращению Теда Бесстрашного в келье высилась стопка книг и фолиантов, доходившая вашему покорному слуге до плеча!

Паласар поднялся и показал рукой, какой в точности была стопка.

– Ее пришлось пристроить в углу комнаты, чтобы не развалилась! Не скажу, что Тед был этому сильно рад. Скорее ошарашен и огорошен, но я, как говорится, выполнил поставленную задачу на все сто! Так он и пробормотал, осматривая колонну бумаги и пергамента. Видимо, в тех местах, откуда он родом, сто – это сакральное число. Он часто повторял эту присказку – «на все сто».

Тед взял верхний том и пробежался по нему глазами. Я не следил за тем, в каком порядке были собраны книги в стопке, лишь проследил, чтобы наиболее впечатляющие по оформлению работы оказались наверху. Я и не думал, что Тед захочет читать их все, но я ошибался.

Глазам Теда предстали убористые строки рукописного текста, который он поначалу принял за узор. Но в узоре различались слова, в словах с большим трудом – буквы. Это были очень красивые буквы.

– Они все на арабском? – спросил меня Тед, глядя на испещренные каллиграфической вязью страницы.

Я ответил, что не только арабский; этот том написан макароническим письмом: тут и арамейский, и арабский, и тексты на латыни, и маргиналии на греческом. Более древние доарабские книги написаны на арамейском. Если его не устраивает наша подборка, то в Дамаске могут быть источники на греческом, но их надежность... Я предложил ему послать гонцов в Дамаск, но он отказался. Я надеялся, что первое впечатление заставит Теда покинуть мою скромную обитель, вынудит его удалиться восвояси и вернуться к времяпрепровождению в славных подвигах и отдыхе, но он оказался упертым, как стадо безногих баранов.

– И что же он сделал? – спросил кто-то, когда Паласар взял паузу, чтобы собраться с силами на продолжение.

– Он? То, что сделал бы каждый, кто всерьез задумал прочитать все эти книги! Он потребовал переводчиков! К счастью, у меня в архиве было много смысленных писарей, писавших и читавших на множестве языков. Я скрепя сердце выделил ему эту келью для ученых трудов и познакомил с теми, кто мог ему читать и переводить. С тех пор ежедневно я наблюдал, как утром Тед Бесстрашный приходит в мой архив и затворяется в келье с несколькими писцами.

Должен признать, я несколько переоценил ту работу, которая лежала перед нашим героем. Поскольку почти каждый источник, найденный мной, содержал лишь небольшую кру-

пищу сведений, относящихся к драконам, Тед, как бритвой, отсекая все лишнее, быстро прочитал всю стопку книг. У него ушло на нее недели три, а по меркам архива это – одно мгновение.

Как-то в один из дней Тед вышел ко мне и сказал, что закончил. Я не ждал этого так скоро, но поздравил его и спросил, удалось ли ему отыскать то, что он искал, и не требуется ли все-таки послать гонцов в Дамаск. Тед отказался. Тогда я спросил у него, есть ли надежда, что он завершит свой подвиг и мы сможем воочию узреть хладный труп страшного чудовища, принесшего нам столько бед. За время в архиве мы немного сблизились и стали дружны. Тед был целеустремленным читателем и уважал тишину и покой моего архива. Я стал для него товарищем, которым до той поры ему был Селим.

На мой вопрос Тед отвечал уклончиво, но сказал, что ему потребуется еще один мой совет. Он пригласил меня проследовать за ним в его дворец. Я же упоминал, что царь подарил Теду дворец? Небольшой, но очень приятный. Я не посмел отказаться, хотя, признаюсь, в те времена я в некоторой мере страдал от того, что греки называют боязнью толпы, агорафобия по-гречески, и не любил без крайней надобности покидать своих архивных пенатов. Как все изменилось с тех пор!

Во дворце мне были предложены яства куда более изысканные, чем те, к которым я привык, хотя мое жалование и было по меркам нашего города щедрым. Почтя гостеприимство гостя, как того требовала вежливость, я справился о цели моего визита и был отведен в подвал, где находился железный сундук. «Не стоит беспокоиться, ведь мои услуги уже щедро оплачены из царской казны», – так ответил я при виде сундука, полагая, что Тед хочет наградить меня за помощь, но сундук хранил сокровища иного рода, о котором я и не мог догадаться.

Отперев все замки и запоры, Тед открыл сундук и извлек оттуда предмет, подобного которому я не видел. Это был цилиндр, по виду я принял его за латунь, но металл был другим, как пояснил Тед. С одной стороны он заканчивался цилиндром из другого металла, а с плоского торца имел письмена и небольшой механизм, называемый капсулом. Тед сказал, что это оружие, которым можно убить дракона, но для этого ему кое-что нужно.

Нужна ему была полая труба, снабженная механизмом, который мог бы ударить по капсулю в нужный момент.

– И как же работает это оружие? – уточнил Каспар.

– Как я понял, в цилиндр забит состав, подобный пороху. Он может разогнать окончание цилиндра, именуемый пулей, до скорости, на которой он пробьет шкуру дракона. Для этого требовалась та особая труба, именуемая стволом, и спусковой механизм. Нам пришлось насесть на кузнецов. Тед очень дотошно исследовал их работу, требуя только самых лучших сталей. Ему постоянно казалось, что ствол недостаточно прочен, чтобы сдерживать огонь, который польется из цилиндра. Поскольку цилиндр у него был один, испытать изделия он не мог. Он забраковал дюжину изделий, прежде чем решил, что оружие готово. Затем пришло время испытывать пружины спускового механизма. Оружие ковалось пять недель, за это время я узнал о кузнечном деле больше, чем за всю прошлую жизнь.

Рано или поздно все подходит к концу. Тед ушел. Он взял коня, еды на неделю и отправился на поиски дракона. Я не ждал его возвращения, во всяком случае скоро, но через несколько дней он постучался в двери моего дома. Стояла ночь. Ночью-то я, разумеется, у себя, а не в архиве. Тед был изможден и с ног до головы пропитан кровью. Кровь, что было самым странным в его облике, оставалась липкой, будто он только что покинул поле битвы, но, как он мне рассказал, он шел в таком виде три дня. Его конь погиб, раздавленный тушей убитого дракона, поэтому ему пришлось четыре дня идти по пустыне без еды и воды.

«Невозможно идти по пустыне четыре дня без воды!» – возразил я, да и вы, мои любезные слушатели, подумали сейчас о том же самом. Но Тед обнаружил в себе способность идти без воды, дни лишь увеличивали его страдания от жажды, но не убавляли его сил. Мы сошлись во мнении, что причиной этому – кровь дракона. Она обнаружила свойство удерживать влагу

даже под палящим солнцем, именно она питала его все дни в пустыне. Недаром же ей приписывают самые разные волшебные свойства. Одно из них, как я могу засвидетельствовать, было нами и обнаружено!

Получив отдых и обильное питье, Тед не проявлял признаков сонливости, которую можно ожидать от человека после такого длительного перехода, поэтому он закончил свой рассказ о драконе, а я на скорую руку набросал историю на пергаменте, потому что у меня тем более сна не было ни в одном глазу.

Итак, Тед нашел дракона. То ли он узнал, где его искать, из легенд, которые читал, то ли ему удалось расспросить кое-кого из дозорных, разосланных в разные концы страны, но он его нашел. Дракон выполз к нему и предложил его убить. Дабы не было двусмыслицы: дракон предложил Теду убить себя. Дескать он стар, а человек, убивший дракона, сам станет драконом. Полагаю, так дракон решил переродиться, хотя сомневаюсь, что он или Тед слышали про метемпсихоз.

Тед же был не лыком шит и отказался. Он ждал какой-то уловки, не зря же сидел столько дней в моем архиве. Так ему и сказал: или убью тебя в бою, или буду ждать здесь, пока ты сам не сдохнешь от старости. Так они посидели какое-то время, потом Теду своей болтовней все же удалось раззадорить богомерзкое чудовище, и они сошлись в коротком бою. Дракон опустил свою пасть на Теда, но не успел сомкнуть челюсти, как Тед привел в действие свое смертоносное оружие. Ни пружина, ни ствол, ни качество железа, ни работа наших кузнецов не подвели. Голова дракона лопнула, как перезревшая дыня под копытом коня. Тед, подобно библейскому Ионе, оказался заперт в развороченной драконовой плоти, завалившей его со всех сторон, словно в пещере. Но, вместо вознесения молитв, он стал прорубаться через дракона с помощью кинжала, а когда стало просторнее – мечом, и выбрался наружу, весь покрытый кровью и мозгами дракона.

Его путь обратно был тяжок, но он добрался до моего жилища, как я уже говорил. Затем произошли странные события, которым есть два объяснения. Событие было, точнее говоря, одно: утром Тед исчез. Он исчез из моего запертого дома, где мы были с ним вместе. Я уверен, что он никуда не уходил, потому что я не спал до утра, записывая его историю. Никто не отпирал ни двери, ни окна. И все же утром Теда не было! Я уж подумал, не привиделся ли мне чудной сон, произошедший от впечатления и переживаний за судьбу героя, и не явился ли мне призрак погибшего героя, до сих пор гниющего в черепе дракона? Но следы грязи и крови покрывали все предметы, которых касался Тед, поэтому, имея на руках доказательства, я отправился к Селиму.

Тушу дракона разведчики нашли в том месте, где указал мне призрак Теда. Его тела в голове не было, судя по состоянию черепа, он все-таки выбрался из головы, а его следы указывали, что он отправился обратно.

На следующий день стало известно, что Тед умер. Его тело нашли в городе, хотя это не так. Его исчезновение или бегство выглядело нелепо, особенно с учетом того, что он оставил на сносях жену, принадлежавшую к знатному роду нашего города. По этой причине царь, или его советники, или Селим придумали другой, более благородный конец этой истории.

Думаю, что ночью без лишнего шума задушили какого-то стража, похожего на Теда ростом и волосами. Его обрядили в одежду Теда, какая осталась после него. Для верности покойнику обезобразили огнем лицо и похоронили с почестями вместо исчезнувшего героя, чтобы достойно завершить эту историю. Понимая, что я остаюсь единственным свидетелем, который мог бы пролить свет на подлинное исчезновение Теда, я поспешил покинуть город, дабы ненароком не оказаться в фундаменте того мавзолея, который собрались возводить в честь почившего героя.

– Как же ты видел, как дракона привезли в город, если почти сразу сбежал? – спросил Каспар, имевший нюх на неточности.

– Я не говорил, что сбежал сразу, – ответил Паласар. – Вся эта кутерьма, ну с поддельными похоронами, длилась несколько дней. Сначала Теда везде разыскивали, шли тайные расспросы, кругом суетились шпионы, за мной стайками бродили соглядатаи; лучшие знатоки тщательно, но тщетно обыскали мой дом. Потом по городу пустили слух о тяжелой болезни и ранах, хотя слух мог возникнуть сам по себе. Лишь после того, как стало ясно, что Теда не сыскать, после того, как какого бедолагу заключили в саркофаг с именем Теда, я почувствовал угрозу.

К этому времени туша дракона была давно разделана, распродана и перепродана. Деньги ушли в казну, кроме тех денег, что, естественно, достались огромному числу посредников от наших прохиндейских гильдий. Обдирай и властвуй! Даже эти сапоги успели принять подходящую форму на колодках моего сапожника, прежде чем им пришлось пуститься в бегство, где, можно сказать, я пребываю до сих пор. Впрочем, отсюда до моего родного города слишком далеко, да и не такая я значительная персона, чтобы кто-либо из вас, господа хорошие, мог заинтересоваться ценой за мою скромную голову, которая и вовсе не была назначена, потому что, кроме опасного свидетельства, я ничем свою честь не запятнал.

Глава 3. Дар или проклятие

– Впрочем, мое бегство было разрешенным и можно назвать его изгнанием, – добавил Паласар. – Ночью перед тем утром, когда я собирался покинуть город, ко мне явился нарочный от Селима. Он передал мне тот кинжал, который несколько дней назад вызвал такой интерес нашего Каспара, и вдобавок солидное количество золота. На словах нарочный передал, что этот кинжал – царский подарок и его следует беречь. По нему меня пропустят там, где иначе могли возникнуть осложнения. С таким таинственным напутствием я отправился в дорогу.

Паласар рассказал свою историю про дракона. Его видение во многом отличалось от того, что рассказал бы Тед, если бы у него спросили. Например, Паласар не упомянул, что Тед втайне ненавидел своего проводника по книгам и легендам. И последними словами Теда, сказанными Паласару, были слова замысловатого проклятия, которое Тед вычитал в легендах. Проклятие заставляло Паласара стремительно стариться, пока он жил в одном месте, и молодеть, пока он двигался. Так Тед обрек Паласара на вечные скитания, чтобы он сам чувствовал ту жизнь, которую вел привязанный к ключу между мирами Тед. Проклятие требовало для себя кроме верных слов только кровь дракона, а когда Тед явился к Паласару в последний раз, крови на нем было больше чем достаточно.

– И ты больше никогда его не видел? – спросил Вильямсон, напряженно вглядываясь в переливающееся в бликах костра лицо рассказчика.

– Нет! Хотя мне довелось много странствовать, я не встречал его, хотя до меня доносились слухи, за которым мог стоять Тед. И сдается мне, я еще его увижу.

– Ладно, вернемся к более простым вещам. Ты говорил, что ты алхимик, – сменил тему разговора Каспар. – Так что, можно превратить простой металл в благородный?

– Чушь! Полная чушь. Примите мое искреннее слово! – ответил Паласар, слегка уставший от драконовой саги и обрадованный возможностью сменить тему.

– А как насчет бессмертия? – спросил Вильямсон.

– Чушь еще большая! – воскликнул Паласар. – Философский камень – сказка. Хотя есть другие пути.

– И ты их знаешь? – спросил Каспар.

– Конечно, нет, – развел руками Паласар. – Хотя я знаю кое-кого, кому в некоторой мере удавалось.

– В некоторой мере? Это вообще как? – принялся распутывать Каспар. – Бессмертие – это как деньги, оно или есть, или его нет.

– Бессмертие скорее как любовь, – философски изрек Паласар. – За все есть цена, пока платишь, не умираешь.

– А можно ли воскрешать мертвецов? – спросил Вильямсон.

– Не видел такого, хотя есть слухи. Например, я слышал историю женщины, которая оживила из мертвых своего мужа, обратившись к колдуну по имени Тиресий, было это лет десять тому назад. Еще я слышал от одного человека, что у его бабки была «Поваренная книга некроманта», полная рецептов всяческих жутких зелий, которые могли возвращать из мертвых или открывать двери в другие – загробные, я полагаю, – миры. Но как всегда: никаких доказательств! Едва я попросил его показать мне эту книгу, как он сочинил историю, что, дескать, едва он открыл эту книгу, как явился какой-то черный бес, нагнал на него страху, отобрал книгу и сгинул, сказав, что теперь она будет лежать в Хрустальной башне. Так что все это – просто слухи, я уверен, что книжка, если и была, – простая подделка, а Тиресий – жалкий шарлатан, выдающий за воскрешенных людей своих поделельников.

– А как насчет проверенных случаев? – спросил Петерфинн.

– Это каких? – уточнил Паласар.

– Спаситель, например, – ответил наемник.

– Тут случай Бога или одной из его ипостасей. Мы же обсуждали оживление людей.

– Тогда случай Лазаря, – не отступал Петерфинн. – Он был человеком.

– Ну к этому случаю, если я верно помню историю, Бог тоже был причастен. Вот случаев, чтобы человек мог оживить человека, – таких мне не встречалось.

– И всего-то ты повидал чудес – только одну тушу дракона! – усмехнулся Каспар. – Даже я мог бы рассказать поболее.

– Чудес? – переспросил Паласар. – Мой друг, я видел такое, что твои чудеса покажутся мне букварем. Само слово «чудо» для меня давно и сильно истрепалось и потеряло былой смысл.

– Здорово быть таким смельчаком, как этот Тед, – вздохнул не отличавшийся особой храбростью Вильямсон, пока Каспар обдумывал ответ. Ответ у Каспара был, но он сомневался, что в этот вечер для него хватит времени.

– Он не был смелым, – поморщился Паласар. Воспоминания о характере Теда были для него не так интересны, как о его подвигах. – Он был бесстрашным. Одержим судьбой до безумия. За пределами собственной судьбы его ничто не интересовало. Плохо, хорошо, правильно, неправильно он понимал, только приложив к судьбе, причем своей собственной. Он даже людей оценивал лишь по той роли, которую они играли в его судьбе. Лютый фанатик.

– И разве это плохо? Я тоже верю в судьбу, – раздался голос Дамиса. – Многие люди верят в судьбу.

– А многие из тех, кто верит и говорит «Судьба», знают, что они подразумевают под этим словом? Судьба, предопределение, кismet, дао – может ли один человек понять, что думает другой, когда произносит эти слова? Для Теда судьба была не каким-то предопределением, законом жизни, а самой жизнью.

– Что ж, это была интересная история, – вставил слово Каспар, чтобы остановить дальнейшую, грозящую затянуться далеко за полночь беседу о словах, в которой восточный носитель расхожей мудрости мог оказаться очень вязок. – Завтра я надеюсь, и все мы надеемся, услышать другую историю, возможно, что ее расскажу я, а теперь пора спать.

Наемники распределили дежурства и улеглись. Паласар с относительным удобством разместился в кибитке. Одетые в кожаные доспехи и стальные панцири наемники довольствовались лежанками из колких еловых лап. Собранные в лесу ветки складывали в продолговатые кучи, а изголовья сбивали из опавших листьев. Лежанки были жесткими, зато через них не проникал убийственный холод земли и они не промокали. Конные укрывались одеялами, которые везли с собой, а пешие грелись теплом тлеющих костров. Поддерживать огонь вменялось в обязанность часовым. По сравнению с этим доски повозки с вязанками сена были роскошью, но теплолюбивый Паласар был не из тех, кто мог это оценить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.